

Серия «Чеширский кот» премии-медали им. Льюиса Кэрролла
и конвент «РосКон» представляют автора

ДМИТРИЙ ТАЛАНОВ

НОВЫЙ СВЕТ. ХРОНИКИ

ЛОКУМТЕН

КНИГА ПЕРВАЯ

Дмитрий Валерьевич Таланов

Локумтен

Серия «Новый свет. Хроники», книга 1

Серия «Чеширский кот»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51406651

Локумтен. Из цикла «Новый свет. Хроники». Книга 1. / Д. Таланов:

Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020

ISBN 978-5-00153-232-3

Аннотация

Филю было десять лет, когда шхуна, на которой он путешествовал с отцом, разбилась о сугдейские скалы. Море поглотило всех, пощадив одного Филя. Волны вынесли его в другой мир, где осиротевший, но весьма деятельный сорванец оказался в эпицентре конфликта между людьми и злобными магическими существами. Осваиваясь в новом обществе, он вливается в борьбу, находит друзей, обретает новую семью и не упускает случая приобрести значительное состояние.

Содержание

1	7
2	22
3	34
4	50
5	65
6	76
7	88
8	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Дмитрий Таланов
Локумтен. Из
цикла «Новый свет.
Хроники». Книга 1

Дмитрий Таланов – российский писатель, инженер-электрик и руководитель проектов. Не изменяя полученной им в 1986 г. специализации в НЭТИ (ныне НГТУ), он успел на настоящий момент поработать в восьми стра-

нах, получив бесценный опыт выживания в разных культурах, включая англосаксонскую и арабскую, плюс множество переломанных, хотя и удачно сросшихся костей. Накопленные впечатления в какой-то момент преобразовались в серию книг в жанре фэнтези «Новый Свет. Хроники».

1

*Жизнь каждого человека в конечном счёте
зависит от его проворства, бдительности и личной
предприимчивости...*

*Янус Хозек, «Как это было», 57-е издание,
Лнастасийская Центральная Библиотека*

Уже не в первый раз в Малой гостиной замка Хальмстем за обедом разгоралась ссора. Возбуждённые голоса птицами взмывали к резному потолку.

Под дубовой люстрой в сотню свечей, за массивным столом, представлявшим собой три сдвинутые вместе столешницы из красного дерева, восседали члены семьи Фе. Лица

у них были невесёлые.

Посторонний наблюдатель, попав сюда, мог заметить, что собравшиеся в гостиной принадлежат к обеспеченной прослойке общества, судя по чистым, качественно сшитым платьям, пусть и простого покроя. Но он определённо бы растерялся, попроси его назвать период и век. Характерная незамысловатость туалетов указывала на Средневековье, однако свобода обращений и высказываний предполагала куда более позднее время.

Присутствующие на обеде не могли прийти к согласию. Пора было приниматься за второе блюдо, а никто из них не притронулся к первому. Выражение лица поварихи, доставившей перемену, сулило серьёзные неприятности хозяйке замка, госпоже Фе. И кто бы подумал, что причиной всему был проказливый десятилетний мальчишка.

Филь, как звали белобрысого разбойника, был отлично осведомлён о трудностях семьи Фе. Но в ясный летний день, когда начинается эта история, его занимали более важные дела. Притаившись за кузней, чтобы добыть огня, как только кузнец уйдёт оттуда, Филь намеревался проверить утверждение полоумной Эши, что трава у сарая горит пламенем, которое не причиняет ей вреда.

– Плутишка ни в чём не виноват! – воскликнула крупная девушка с толстой косой на груди. Руфину нельзя было назвать хорошенькой, но румянец у неё был яркий. – У кого ему набираться манер, если папаша-купец стал таскать ма-

лыша по морям, едва тот начал ходить?

Руфина являлась второй по старшинству дочерью в семье. Её младшая сестра, тощая Эша, наклонив голову, ухмыльнулась чему-то. Зажав в кулаки коротко стриженные волосы, она вдумчиво потянула за них:

– Да-а, матросы – учителя неважные... Нам стоит благодарить судьбу, что он хотя бы не лаетя.

Облокотившись о стол, Эша подпёрла лицо ладошками. Зыркнув глазами по сторонам, она вперилась в сидевшую напротив старшую сестру, долговязую Лентолу.

– Неизвестно ещё, что будет, когда он в совершенстве освоит язык, – проговорила Лентола трагически. – Птицу видно по полёту!

Лучи солнца, проникавшие в гостиную сквозь окна эркера и распахнутые двери в сад, плясали зайчиками на её длинных светлых волосах. Девушка срезала кожуру с груши так яростно, словно последняя была её личным врагом. Состояние столовых приборов перед ней указывало, что ничего другого она ещё не ела.

Руфина сказала сердито:

– Тебе поручено его учить, вот и приложи старания!

– Он меня на дух не выносит, – возразила Лентола с достоинством, которое очень шло её высокомерному лицу.

– И, как мне кажется, взаимно, – ехидно заметила Эша.

– Сироту любой обидеть норовит, – поджав губы, осуждающе произнесла Руфина.

– Фи, Лентола! – живо присоединилась Эша.

Уязвлённая Лентола взвилась, бросив искромсанную грушу:

– Да прекратите вы лить слёзы по его сиротству! У нашего сиротки красные щёки, блестящие глаза и волчий аппетит. Ирений говорит, что он уже с лёгкостью поднимает острый молот, одежда Мервина трещит на нём по швам, а вы не перестаёте защищать его от воображаемых напастей!

– Попрекаешь ребёнка отменным здоровьем? – хмуро осведомилась Руфина.

Эша хмыкнула с едва заметной улыбкой:

– Скорее, испорченное вчерашнее свидание стучится пеплом в её сердце.

Красивое лицо Лентолы исказилось. Поддразнивая её, Эша заливисто рассмеялась:

– Сестра, ты не в силах это оценить, но мысль у него была гениальная! Я бы сама не додумалась натянуть трос от Дозорной башни до Восточной мостовой и пролететь между ними в петле.

– И высадить ногами окно! – взвизгнула Лентола.

– Мальчик не учёл провис, – напомнила Руфина.

– Он учёл, – пискнула Габриэль с другого конца стола. –

Но расстояние оказалось очень большим!

Самая младшая в семье, это она помогала Филю готовить его последнюю проделку и потому сидела тихо, как мышь под метлой. Однако такой несправедливости Габриэль не вы-

несла.

Изящный нос Лентолы заострился от злости.

– Он сбил все подсвечники со стола и сжёг мою кружевную накидку! Я получила ожог, а у Астона пострадал мундир!

Эша проговорила насмешливо:

– Сгореть заживо от ужина при свечах, что может быть романтичнее?

Лентола продолжала размахивать руками:

– Он стяжал славу возмутителя спокойствия, пробыв в Хальмстеме только лишь месяц! Проживи он тут ещё неделю, его имя будут знать все собаки Империи! У меня уже интересовались в Кейплиге, не открыли ли мы здесь уютный дом!

– А вот и главная причина, – улыбнулась Эша во весь рот.

Она подцепила с тарелки сырную лепёшку и принялась методично её обгрызать. Левый глаз её сам собой съехал к переносице.

– Совершенно верно, – раздался вдруг в гостиной властный голос.

У говорившего было худое лицо, чёрные с проседью волосы и красные от недосыпания глаза. Присутствующие сразу умолкли и повернулись к нему.

Господин Фе пользовался в семье безусловным авторитетом. Даже госпожа Фе, пререкаясь с которой смели немногие, никогда не вступала с ним в спор, по крайней мере при

детях. Она также находилась в гостиной, но вмешиваться в перепалку не собиралась, пока соблюдались приличия.

– Вчера я получил запрос, что у нас здесь за ребёнок и как мы намерены с ним поступить. Мы не можем дольше тянуть.

Эша с Руфиной быстро переглянулись.

– Тебе, конечно, виднее, отец, – произнесла Руфина неуверенно, – но я полагала... В конце концов, ты член Совета.

– Блаженные, – бросила Эша убеждённо. – Это Детская Служба, пронюхали всё-таки!

Господин Фе сдержанно кивнул. Лентола помрачнела. Эша с Руфиной дружно повернулись к ней.

– Не твой ли женишок доложил? – угрожающе проговорила Руфина, но Лентола прервала её с истерикой в голосе:

– Астон никогда такого не сделает, Фина, думай, что говоришь!

– Беспокоиться не стоит, – сказал господин Фе. – Они знают, что мальчик очнулся у Внутренней Границы после того, как их галею разбило о камни. Непонятно лишь, как его забросило в Преддверие. Мы знаем, о чём поётся в сердарских песнях, поэтому он несёт в себе загадку, которую надо разгадать для нашей безопасности. Он сирота и мог бы остаться у нас. Но он старше пяти лет, так что должен быть отправлен назад. Однако он сразу ступил на казённую землю, оттого Казне решать, что с ним делать. Только решать пока никому – Флавиона лишь в конце месяца займёт свой пост. При-

нимая это во внимание, Детская Служба предлагает нам забрать его хоть завтра.

Лентола вскочила на ноги.

– Да, да, да, – воскликнула она, выбегая из-за стола, – прямо сейчас, я мигом принесу птицу!

Она одёрнула без того безупречно сидевшее на ней платье и устремилась к выходу. Её остановил мрачный и решительный голос Руфины:

– А я сверну ей голову. Ты не поступишь так с малышом!

На разлетевшихся веером волосах Лентолы вспыхнул солнечный свет – так стремительно она обернулась.

– Малышом?! – раздражённо проговорила она, останавливаясь. – Я не так представляла себе маленького благодарного сироту!

Молчавшая до поры госпожа Фе спросила:

– А тебе его разве не жалко?

Произнесла она это без нажима, но лицо Лентолы, повторявшее чертами лицо матери, исказилось.

– Почему жалко? – сказала девушка с силой. – Почему я должна его жалеть? Он бодрый, живой, совсем не жалкий. Жалко будет нас, если он в самом деле отпрыск сердаров или чего похуже, а свидетельство второсортного эмпарота – ещё не доказательство! Он ведь к нам, прямо скажем, любви не испытывает. Даже глазом не моргнул ни вчера вечером, ни когда умудрился утопить в фекалиях наш сад!

Руфина оборвала её:

– Мальчик в жизни не видал поднимающегося теста!

– И это так его впечатлило, что он спёр кусок дрожжей, бросив их в отхожее место, – парировала Лентола.

– Выронил, – поспешила уточнить Руфина.

– Так я и поверила!

– Зато садовнику больше нет нужды удобрять этот сад, – встряла Эша. – Возможно, что и до конца дней своих.

Лентола рыкнула на сестёр:

– А что вы скажете о том дне, когда он подвесил наковальню над парадным крыльцом, перепугав до смерти всех гостей?

Руфина передёрнула плечами:

– Ой, не придумывай! Испугалась одна ты, не заметив из-за близорукости трос на фоне башни. Тебе и почудилось, что наковальня летит в ваши с Астоном головы. А мальчика лишь восхитили свойства перегорского троса, и он захотел его испытать.

Лентола всплеснула руками, и тут в гостиную без стука вкатился человек в форме. Его было довольно много, но не столько в высоту, сколько вширь.

– Добрый день, – поздоровался он, склонив набок гладкое улыбающееся лицо. Маленькие, почти без ресниц глаза обещали присутствующих. – Вас там, барышня, жених дожидается в Восточном павильоне, посланник Дооло. Что ему передать? – произнёс он без паузы, успев, однако, отдать честь господину Фе.

Последний лишь молча посмотрел на вошедшего поверх носа, рассеянно теребя себя за мочку уха.

Лентола вылетела в двери, не задерживаясь. Пропуская её, солдат отступил и выкатился следом.

– Посланником назначили, да послать забыли, – хмыкнула им вслед Эша. – Эх, не вовремя дал дуба наш император!

Она взяла с тарелки вторую лепёшку и обмакнула её в блюдо с черничным киселём. Доесть её она не успела – со стороны двора вдруг раздался крик, который трудно было назвать человеческим. Затем в гостиную потянуло странным запахом. Крик сменился воем, который быстро оборвался.

– Что это? – спросил господин Фе, вставая. Госпожа Фе поднялась тоже.

– Филь, – тяжело произнесла она, добавив на латыни: – Как волк в басне!

В наступившей тишине все глаза обратились к дверям, в которые вбежал человек лет сорока с серой щетиной на лице. Он был одет в шерстяную рубаху, прихваченную поясом в талии. На поясе, поддерживаемый перевязью через плечо, висел серебряный жезл; с другой стороны пояса свисал кинжал. Ноги мужчины были обуты в невысокие, изрядно поношенные сапоги.

– Мастер, – бросил он отрывисто, – факельный склад в огне, вся пенька и запас смолы. Спалил, козявец!

Господин Фе, к которому были обращены эти слова, понимающе мигнул. Видимо, термин «козявец» не требовал для

него дополнительных пояснений.

– Кто на пожаре? – спросил он. – Кто тушит склад, сержант Коди?

– Мальчишка и тушит, со всеми, кто свободен от службы.

– Он... тушит? – произнесла госпожа Фе странным голосом.

Сержант перевёл взгляд на неё:

– Так точно! Мальчишка ни черта не боится.

– И кто смотрит за ним? – поинтересовалась госпожа Фе.

– Он под командой Прения.

– Кузнец не солдат!

– А мальчишка не гражданин, – отрезал сержант.

– Ария, – перебил их перепалку господин Фе, – у нас сейчас другие заботы. Штандарт подняли? – спросил он у сержанта.

– Подняли. Почтаря тоже отправили, но из Бассана успела выйти центурия Сигерика.

Господин Фе усмехнулся:

– Удивительно, как не вся когорта! Дым виден, поди, из столицы.

– Заволокло полнеба, – подтвердил сержант. – Думаю, Сигерик заметит штандарт и повернёт назад. Да, ваша дочь тоже несколько пострадала...

Он не договорил – Лентола тенью выросла за его спиной. От её опрятного платья остались закопчённые лохмотья, лицо и волосы покрывала сажа.

Госпожа Фе ахнула:

– Дочь моя, ты в каком виде? Что за стыд! Иди немедленно приведи себя в порядок!

Лентола озиралась, будто вспоминая, куда и зачем пришла.

– С этим ребёнком надо что-то делать, – хрипло проговорила она и закашлялась. – Я видела, как он... нёс угли к складу, и пыталась... остановить его!

Господин Фе сверкнул глазами:

– Я сколько раз говорил, чтобы тот ясенец там изничтожили!

Сержант потупился.

– Вот его и изничтожили, – буркнула Эша.

К девочке, очевидно, вернулся аппетит. Она оставила в покое обгрызенную лепёшку, принявшись за рыбный пудинг в широкой тарелке.

Госпожа Фе повысила голос, обращаясь к Лентоле:

– Я повторяю: иди и приведи себя в порядок!

Та оглядела себя и скривилась, словно только заметив, во что превратилась её одежда. Обессиленно привалившись к косяку, она простонала душераздирающим голосом:

– Я так не могу... Я больше этого не вынесу!

Госпожа Фе продолжала пристально смотреть на неё.

– Он едва не сжёг Ирения... его самого охватило огнём с головой!

Господа переглянулись.

– Ээ, Ария, – произнес господин Фе с тревогой, – займись этим! Если мальчишка пострадал, пусть его немедленно лечат. Если он неведим, удали его оттуда от греха подальше. Мы не станем отдавать его Детской Службе, мы пошлём его на Окраины. Я думаю, Флавиона со мной согласится.

* * *

Над останками склада висел густой чёрный дым. В глубине его что-то тлело и временами потрескивало. Уцелевшую траву вокруг покрывала жирная копоть. По ней в компании дюжины солдат бегал Филь с ведром в руках, заливая последние очаги пламени. Волосы мальчика торчали дыбом, скуластое лицо с большим ртом и вздёрнутым носом было в саже.

Филь откинул пустое ведро в сторону и огляделся. Откуда ему было знать, что этот невинный ясенец так полыхнёт? Как оказалось, это ему в самом деле не вредит, зато сухая трава у сарая занялась в момент. И если бы не кузнец, который бросился помогать, прежде чем набежали солдаты, всё кончилось бы куда хуже.

Без Прения горящая смола дотекла бы до конюшен. Да что там до конюшен – добралась бы до кузни, не выкопай кузнец канаву. Плешь выжженной земли обрывалась как раз у неё. А у крутого пригорка, отделявшего горелый участок от замкового сада, огонь сдержали солдаты. Им пришлось жарче –

там стеной росли земляничные деревья, голые и обугленные теперь.

Заметив господ, шагавших по заднему двору, Филь утёр пот с лица и протяжно вздохнул. Выражение лица хозяйки было того сорта, от которого разве что птицы не замерзают на лету. Хозяин выглядел ничуть не приветливее. Такой господин Фе имел несомненное право приказывать и вообще подавлять любые бунты в зародыше. Мальчик испытал жгучее желание переодеться во всё чистое, пока не поздно.

Хорошо хоть Лентолы с ними не было! Послушать её, так вся его жизнь – это сплошная цепь злодейств. О чём она, конечно, не преминула ему напомнить, подоспев к началу пожара. Вот бестолковая девица! Огонь надо тушить, а она бегает за Филем и выкрикивает свои глупости, разве что не хватая за руки. А Эше он ещё даст по шее!

Господа о чём-то спорили. Хозяин мотал головой и втолковывал что-то хозяйке. Та сначала возражала, но потом прислушалась, и чем дальше, тем внимательней. Лицо её потеряло строгость и разгладилось. Господин Фе повернул у кузни к конюшням, госпожа Фе направилась к Филю. Мальчик ещё раз вздохнул, готовясь к неизбежному.

Оценив проделанную работу по тушению пожара, хозяйка перевела взгляд на его виновника. Филь хмуро смотрел на неё из-под сгоревших бровей.

– Повернись, – сказала ему госпожа Фе.

Она показала, что ему следует развернуться на месте.

Филь послушался.

– Кроме ресниц и бровей, остальное цело? – спросила она.

– Цело, – ответил Филь. Он с ужасом ждал, что за этим последует.

– Зачем ты это сделал?

Филь собрался было сослаться на Эшу, но сообразил, что следование дурному совету самого делает дураком. Он ответил:

– Не знаю. Я не знал, что это такая вражеская трава!

Госпожа Фе сухо кивнула:

– Очень жаль. Но если ты не знаешь результата своих действий, то, может быть, не стоит их осуществлять?

Уши мальчика запылали.

– Ступай на конюшню, – недолго думая, сказала хозяйка, – там скопилась куча навоза. Наделай из него запас лепёшек на топливо, пресс найдёшь в углу. Как работает, разберёшься сам. Что касается твоего здесь пребывания... – Она обвела взглядом обгоревшие земляничные деревья. – Скоро вступит в должность новая императрица и ты отправишься туда, где найдёшь себе подобных. Судьба сдала тебе интересные карты, она о тебе и позаботится!

2

Довожу до Вашего сведения, что в замке живёт малолетний сирота, единственный выживший после кораблекрушения, причиной которого был недавний шторм...

Обрывок без подписи, архив Императорского суда, передаточная надпись Детской Службы, файл «Хальмстем»

Филь приоткрыл окно, высунулся и опасно поглядел в сад. Сад здесь был густой и неухоженный, без какого-либо порядка засаженный деревьями и колючим кустарником с крупными ягодами, наливавшимися алым цветом в лучах разгорающейся на небе зари. За исключением собаки, дремлющей у фонтана, сад был пуст. Филь открыл окно шире,

взобрался на подоконник и соскочил на галерею.

Мрамор студил босые ноги, но надевать сандалии было нельзя: стук подошв мог разбудить госпожу Фе – её окна торчали распахнутыми створками этажом выше. После пожара на факельном складе у Филя не было желания раздражать её больше. Только не сегодня, когда он придумал наконец, как отсюда сбежать.

Мальчик прокрался по галерее к обзорной площадке и уселся на покрытые росой плиты. Свесив ноги в пропасть, он просунул голову меж балясин ограждения. Море было беспокойно, но сегодняшнему шторму было далеко до того, который зашвырнул Филя в Хальмстем. Оставалась надежда, что какой-нибудь корабль да придёт.

Замок Хальмстем был огромен – Филь таких сроду не видел и даже не знал, что такие бывают. Казалось, ему не было конца и он был полон самых необыкновенных уголков. Располагался он на выступающей в море скале, а населён был преимущественно военным людом. Но в его округе не жило ни души, сколько бы Филь ни вглядывался с башен в окрестные леса. Создавалось впечатление, что стоит поднять подвесной мост – и ты окажешься отрезан от всего мира. То есть замок был вроде большой, а по сути – жуткая дыра.

Чем Филь занимался, тут не заботило никого. Трижды в день его кормили на кухне и раз в неделю выдавали чистую одежду. Господин Фе отсутствовал, занимаясь подготовкой к торжествам в Кейплиге. А госпожа Фе делала вид, что ни-

какого Филя здесь нет. Всё выглядело так, словно он в любой момент мог отсюда уйти, только у него имелись на этот счёт сомнения.

Предоставленный самому себе, он времени не терял. За прошедший месяц он успел облазить замок от подвалов до зубцов крепостных стен, так что вряд ли опять заблудится, как это случилось с ним в первую неделю. Однако он продолжал считать, что его водят за нос. Иначе почему его никто не заставляет ничего здесь делать, а кормят как на убой? Даже когда он спалил факельный склад, его лишь послали месить навоз. И пусть он, казалось, навек пропитался мерзким запахом, это было ерундовое наказание.

А зачем его учат местному языку? Лентола, по указанию матери, ежедневно давала ему уроки. Однако никто не хотел дать ответ, что это за замок и почему он так странно расположен, что вокруг него ничего нет, отделяясь от расспросов всякой чепухой.

Филь слышал, что его хотят куда-то переправить, и решил, что его собираются продать в рабство. Поэтому он задумал делать отсюда ноги как можно быстрее.

Мальчик заметил вдалеке парус, и сердце его быстро забилось. Обхватив столбики ограждения, он высунулся ещё дальше, ожидая смены галса, пытаясь понять, этот ли корабль заходил сюда три дня назад. У того, который был ему нужен, реи были длинные.

Хальмстемский фарватер не баловал простотой, и суда

здесь швартовались на другой стороне бухты. А там из моря торчала скала, с которой ничего не стоило перепрыгнуть на рею и с неё по вантам перебраться на палубу. Кому это знать, как не Филю, с пяти лет ходившему по морям.

Корабли здесь были крупные, но дела это не меняло. А если удачно подгадать, то и прыгать не придётся – всё зависело от осадки корабля. Появлялись они редко, зато с нужной стороны. Там находился пустой дом Филя, потому что, кроме отца, у мальчика никого не было. Их дом с этим замком не сравнить, но это было всё, что у него осталось. Его тянуло туда, а здесь всё было такое чужое и непонятное, что он ощущал себя пятым колесом у телеги.

Молодое сердце не умеет долго находиться в тоске. Мать мальчика сгорела от лихорадки после родов, и её он не знал. Так что, погоревав об отце, Филь решил, что это была рука судьбы. Ну и что, что он остался один? Родители живы в его сердце. Зато отпала нужда идти по отцовским стопам и становиться торговцем – занятие, которое Филь считал скучным. Куда лучше было сделаться пиратом!

Парусник сменил галс, и дольше ждать смысла не стало: судно шло мимо транзитом. Погоревав об утерянной возможности, мальчик поднялся на ноги. Осуществить побег сделалось сложнее, требовалось придумать что-нибудь новое.

Пролетев по галерее, Филь забрался к себе в комнату и выбежал в коридор. На Дозорной башне пропели зорю, Хальм-

стем просыпался.

Заметив в кухне засаду в лице Лентолы, Филь притормозил. Небывалое дело – эта девица не посещала кухню, кто угодно, только не она. Но сегодня её принесло каким-то ветром сюда, что сразу испортило мальчику всё удовольствие от общения с поварами.

Главный повар Люнг, толстенный дядька, нарезал хлеб огромным ножом. С головой, обтянутой чёрным платком, он напоминал разбойника. Повариха Момо, поперёк себя шире, завидев мальчика, развела руками. Филь увидел, что его место за струганым столом занято одним из солдат, и тут Лентола его заметила.

– Где ты ходишь? – отрывисто спросила она. – Ступай за мной!

Её чёрные как уголь глаза сузились, губы сделались тонкими и поджались. Задрав голову, потому что девица возвышалась мачтой над ним, мальчик встревоженно спросил:

– А мой завтрак?

– Твой завтрак будет позже.

Филь едва не взвыл, услышав это: Лентола ломала ему все планы. Заведя его в просторную комнату, где он ещё не бывал, она указала ему на кресло.

В комнате было тихо, звуки просыпающегося замка сюда не проникали. Вдоль высоких стен здесь располагались набитые книгами стеллажи. На огромном столе была разложена карта, к которой Филь сразу примёрз взглядом. Удача са-

ма шла ему в руки: Лентола не знала, что он умеет их читать. На краю стола валялся давно осточертевший учебник.

– Сегодня ты будешь учиться один, – проговорила Лентола, задрав по обыкновению нос. – Позавтракаешь, когда кухня накормит солдат. Мы готовимся к отъезду и не хотим, чтобы ты путался у нас под ногами!

Настроение Филя от этого лишь улучшилось, ибо уроки с Лентолой радости ему не доставляли. Она вечно держалась с ним как наследная принцесса, всем своим видом напоминая, что одежда на нём шитая-перешитая с чужого плеча.

В её присутствии он делался неуклюжим. Кабинет хозяйки, где обычно проходили уроки, становился тесным, и мальчика брал страх, как бы не свалить груду книг на столе или не скинуть какую-нибудь дорогую вещицу с полки. Руки совершенно переставали его слушаться, чем только увеличивали опасности, которые мерещились ему со всех сторон. Короче, эти уроки были для Филя сущим наказанием.

Шурша платьем, Лентола выплыла в двери. Как подброшенный пружиной, Филь выпрыгнул из кресла и выбежал на балкон. Каштан в саду достигал перил, а значит, это было логово господина Фе. За прошедший месяц мальчик не раз замечал, как тот наблюдает за ним отсюда.

Переложив учебник в кресло, Филь склонился над картой. На ней имелись небольшие холмы и речка, но моря там не было. Изображённая местность вообще не походила на Хальмстем, и Филь сердито сдвинул белёдые брови: не для

того он здесь очутился, чтобы уйти ни с чем!

Карта оказалась увесистая, но он сумел её свернуть и развернуть вторую из рулона, ничего не уронив со стола. Однако это снова оказалось не то. Разочарованный Филь скинул карту на пол и развернул следующую.

На ней он увидел знакомую бухту, от которой уходила на северо-запад дорога. Дорога была на удивление прямая и тянулась далеко за дугу из крошечных треугольников вокруг места, где должен быть Хальмстем. Что означали треугольники, Филь не знал. Дорога шла лесом и заканчивалась на окраине какого-то города. Сообразив, что с такой дорогой другие детали не нужны, мальчик потянулся за очередным листом.

Из коридора послышался топот и девчоночий смех. Филь захотелось немедленно всё бросить и присоединиться к компании, однако он лишь глянул на дверь и продолжил своё занятие. Один путь он отыскал, но ещё требовалось найти запасной.

Наконец он нашёл, что хотел: очередная карта охватывала даже больше, чем он смел надеяться. Обнаружив такое богатство, Филь ахнул, ненароком саданув по чернильнице и опрокинув её.

Душа его нырнула в пятки: за изгаженный чернилами стол его вздуют, но если узнают, что он рылся в картах, не избежать настоящей беды. Отец говорил ему, что с картой обставишь любого, находя обходные пути быстрее всех. Поэтому

те, кто знает цену картам, берегут их и не любят, когда чужие запускают в них нос.

Дрожащими руками Филь сложил, как мог, испорченный лист и сунул его себе за пазуху. Затем он собрал остальные, валявшиеся вокруг на полу. Пятно на столе он накрыл одним из них. Он ещё успел вытереть чернила с пальцев о портьеру, когда в коридоре раздались увесистые шаги и на пороге выросла Руфина.

Вторая дочь семьи Фе превышала размерами всех сестёр, здоровье из неё прямо пёрло. Румянец у неё был, будто она мазала щеки свеклой, а коса на груди могла соперничать толщиной с причальными канатами крупных кораблей. И ещё Руфина была добрая. Однажды она спасла Филья от местного задиристого петуха, пнув того так, что тот пересек двор со скоростью камня из пращи.

– Слышь, – сказала Руфина. – Пошли, ты зачем-то понадобился матери.

Филь вдруг осознал, что успел нестерпимо проголодаться.
– А завтрак-то как же? – воскликнул он. – Я не кусал ещё ничего!

По лицу Руфины он догадался, что где-то вклеил ошибку. Мальчику стало интересно, в чём он ошибся, и он сразу утратил запал. Однако пока его держат тут взаперти и гоняют по замку, солдаты на кухне сожрут всё съедобное, оставив одно противное мясо марро.

Разгадав его переживания, Руфина вытянула из кармана

сарафана красное яблоко. Взяв его, мальчик зашагал по коридору.

– Этим меня не купишь, – сердито пробормотал он через плечо.

Встреча с госпожой Фе была вернейшим способом испортить себе день. Филь подумал о том, как весело рассчитывал провести его, и скорбь его только умножилась. Однако тут он вспомнил что-то более важное, оживился и спросил не оборачиваясь:

– Ээ... Послушай, Руфина, а у тебя найдётся мешок с завязками? – Как сказать «вещевой», он не знал. – Готов поменяться на яблоко!

– Да уж придумаем чего-нибудь, – раздался ответ за его спиной.

Филь просиял: в этом была вся Руфина, она не задавала лишних вопросов. Значит, скоро принесёт что-нибудь, подумал он, и туда можно будет сложить то, что давно ожидало под кроватью: кусок вяленого марро, кухонный нож, гамур (особая смола, которая начинала светиться, если её как следует помять), штаны и рубаха Мервина – убитого сердарами сына госпожи Фе. Туда же следовало положить карту, пока кто-нибудь не заметил, как она выпирает у Филья из-за пазухи.

Вспомнив о похищенном сокровище, мальчик ударился в панику: нельзя ему встречаться сейчас с госпожой! Они были уже у кабинета хозяйки, времени не оставалось. Недолго

думая, Филь обернулся и выпалил:

– Ой, Руфина, что это над тобой?

Девушка задрала голову, а Филь дунул в противоположную сторону. Когда он вернулся, совсем не сердитая Руфина спокойно поджидала его там, где он её оставил.

Госпожа Фе в кабинете читала длинный, свешивающийся до пола пергамент.

– Долго же мне пришлось поджидать вас, – недовольно проговорила она, скатывая документ. – Почему задержались?

Она кинула острый взгляд на мальчика. Лицо у неё было надменное и холодное. Не избавься Филь от карты, он сейчас стучал бы зубами от страха.

– Я смотрю, ты взопрел, так старательно учился. Куда он бегал? – спросила она Руфину.

Девушка ответила, показав на яблоко, которое мальчик продолжал сжимать в руке:

– В кухню.

– Я есть хочу! – поддержал её Филь. – Когда мне есть дадут?

– А позаниматься ты успел? – вместо ответа осведомилась у него госпожа Фе. – Перо, как я вижу, ты до сих пор не научился правильно держать.

Зная с шести лет, как держать перо, Филь хотел возразить, но передумал. Спрятав ладони за спину, он уставился в пол, машинально сосчитав в очередной раз, что за такой ковёр

можно выменять табун лошадей.

– Отправляйся к Ирению и спроси, всё ли готово, – сказала ему госпожа Фе. – Потом делай, что хочешь. Эша останется с тобой в Хальмстеме, а когда мы вернёмся, я проверю, что ты выучил за эти два дня. Усвоил?

Последний вопрос Филь не понял, но кивнул и поспешил вон. Ещё одно небывалое дело – проверка его знаний госпожой! Закрывая дверь, он услышал:

– Руфина, подожди... Эша сегодня рисовала? Что именно?

Позавтракав хлебом с сыром – единственным, что нашлось в кухне съедобного после прожорливой солдатни, Филь выбежал во двор, где царила суматоха.

3

Ошибка всей жизни Арии Фе заключается в том, что она приняла мальчика за сердара, всеми доступными её характеру способами вымещая на нём свою к ним ненависть...

Императорский Менсор, из рапорта Совету, расследование Кейплигской трагедии

Суматоха была дурная, без видимой причины. Все носились как угорелые, будто рядом разворошили осиное гнездо. Карету ещё не закладывали, она стояла в сарае. Зато солдаты были здесь все как один, толкаясь и мешая друг другу. И, будто их было мало, среди них мелькали чужие в зелёных беретах. Этих Филь раньше не видел.

– Эй, малец, а ну не путайся под ногами! – раздался за его спиной густой бас.

Не успел Филь посторониться, как получил по уху древком копыя от проходившего мимо «зеленоберетника». Вжмаясь в стену, мальчик огрызнулся:

– Сам глаза пошире разуй!

Проскользнув мимо конюшни, он нырнул в кузню.

– Можно я у тебя облеγχусь? – спросил он Прения, имея в виду, конечно же, «передохнуть».

Кузнец накачивал мехи горна. В кожаном фартуке, голый по пояс, он был чёрен от копоти и угольной пыли. Он глянул на Филья через плечо:

– Зайди вечером, я занят!

Схватив щипцы, он стал вращать ими что-то ослепительно яркое в горне.

– Хозяйка пожелала узнать, готово ли, – напомнил ему Филь. Потирая ушибленное ухо, он раздумывал, стоит ли просить разрешения постучать молотком по горячему металлу. Бывало, что кузнец позволял.

– Скажи, что принесу в полдень, – кратко ответил Прений.

Он явно заканчивал срочную работу. Делать было нечего, Филь поворотил к выходу.

– У-й-й... Забери тебя сатана! – взвыл он, шибанув голень о ларец у косяка. Пока Прений окончательно не заперся у себя в кузнице, этот ящик тут не стоял.

Толчея во дворе достигла размеров, будто вот-вот разра-

зится война. Филь смекнул, что надо убираться отсюда, пока не заработал по другому уху. Но для этого надо было пройти по узкому мосту, а у него торчала толпа солдат и пялилась на лес, стволы которого до середины скрывал туман.

За мостом трое солдат окружили лежавшего на песке зверя, смахивавшего на волка. Ноги и пасть у него были необычно длинные. Филь в недоумении застыл у мостового ворота. Рядом кто-то тихо рассмеялся, тронув его за рукав.

– Закрой рот! Муха залетит, – шепнула ему Габриэль.

От неожиданности Филь дёрнулся – девочка стояла прямо за его спиной. Она была его ровесницей и следовала за ним, куда бы он ни пошёл, чем иногда крепко донимала.

Не считая нужным обременять себя приветствиями, Филь спросил её:

– Слышь, а что там за чудище? Откуда оно взялось?

Габриэль сразу разгадала его намерения:

– Не ходи туда! Папа говорит, нам нельзя подходить к лесу, когда стоит такой туман!

Туман, однако, интересовал Филья меньше всего. Он протиснулся сквозь толпу и побежал по мосту. Габриэль поспешила за ним.

– Ты что, не боишься? – крикнула она. – Говорю тебе, туман!

Отмахнувшись от неё, Филь приблизился к зверю. Что бы это ни было, это был не волк. Клыки зверя были тёмно-серые, а глаз не было вовсе – вместо них белела мерзкая

скользящая плесень. Филь попятился.

Один из солдат сказал предупреждающе:

– Ты, малой, в самом деле, осторожней. Бывали случаи!

– Так он ведь мёртвый, – неуверенно возразил Филь.

– Бывало, что и мёртвый вставал.

– А что тут случилось? – озабоченно спросила солдата Габриэль. – Он не ранил никого?

– Нет, эту тварь сняли в прыжке, теперь повезём в столицу. Двоюродный братец нашей будущей императрицы всем обещает за них денег. Что он с ними делает, одному Одину известно!

– Говорят, он повредился рассудком после возвращения из Запретных Земель, – сказал другой солдат.

– Его старший брат тоже не подарок, – с ухмылкой заметил третий.

Погружённый в размышления Филь оторвался от созерцания мохнатой туши и обвёл глазами лес. Ночной побег уже не казался ему доброй идеей. Он глянул вправо и влево вдоль береговой линии.

– Что ж, тогда нечего и время терять...

Прищёлкнув языком, мальчик бодро зашагал обратно в замок.

– Какой ты всё же поросёнок, Филь! – прозвенел голос за его спиной. – Вечно ты так, никогда не объяснишь ничего! Что ты там увидел, что тебе приспичило возвращаться? – нагнав его, зататорила Габриэль. – А я думала, что мы в

грот сходим до отъезда! Вот куда ты спешишь сейчас, скажи!

Филь придержал шаг: мысль про грот была неплохая. Заодно можно присмотреть место, куда спрятать мешок, а в карту он наглядеться успеет.

Он сказал, оборачиваясь:

– Тебе туда не разрешают. Матушка по шее надаёт, забыла её обещания?

Габриэль фыркнула независимо:

– Вот ещё! Она просто тебя опасается, потому что тыходишь фигурой на Мервина, только волосы у тебя светлые. Она думает, что тут дело нечистое, а ещё она думает, что ты можешь быть сердаром.

Филь на это только дёрнул плечом – ему это было неинтересно. Он уже слышал от Руфины, что сердарами здесь называли местных разбойников, известных своей живучестью. А про всевозможные страхи госпожи Фе не наслушаешься. Тут ему пришло в голову, что, возможно, город на карте был Кейплиг, а затеряться в столице ничего не стоит.

– Габриэль, а сколько ехать на лошадях до вашего Кейплига? – спросил он.

– Долго, не меньше десяти часов!

Шевеля губами, мальчик посчитал, что это два дня пешком. С ночёвкой в лесу, где водятся волки. Которые вряд ли испугаются его кухонного ножа.

У Филья в груди появилось чувство, что его самого обложили как зверя. То-то никому нет дела, где он ходит тут це-

льй день.

– Что ж, тогда пойдём в твой грот, – разочарованно произнёс он.

Они повернули от моста налево. Один из солдат крикнул им что-то, но Филь пропустил это мимо ушей.

– Габриэль, а твой отец богатый? – осторожно поинтересовался он.

По его мнению, одеваться к празднику следовало во всё нарядное и вообще как-то готовиться. А тут нагнали солдатни и на этом закончили. Да и хозяйка не выглядела женщиной, собирающейся на торжество.

– Да что ты! – воскликнула Габриэль. – Есть куда богаче. А у нас, кроме дома на Хальмстемской дороге, и нету ничего.

– Как это нет ничего? – удивился Филь, но сразу спохватился. – П-подожди! Какой дом на Хальмстемской дороге?

– На полпути в Кейплиг, направо по развилке.

Сердце Филья подпрыгнуло от радости. Он решил, что попадёт туда во что бы то ни стало и переночует там. Мальчик прибавил шагу. Габриэль сказала:

– Там наша усадьба. Её Руфина любит, а Эша с Лентолой не выносят. Потому что в ней можно с ума сойти от скуки и нет соседей. Ну, кроме одного чокнутого старикашки. А замок... Он совсем нам не дом, он принадлежит Империи, и мы живём в нём, только пока папа на службе, а на зиму мы перебираемся в Кейплиг.

Западный ветер нанёс в бухту кучу водорослей. Их креп-

кий запах заставлял детей держаться в стороне от кромки прибоа. Но рядом был лес, а Габриэль не желала подходить к нему близко.

Филь спросил, кивнув на погружённые в серое облако стволы:

– А этот туман откуда?

– Оттуда, – помрачнев, сказала Габриэль. – Когда он появляется, нас никуда не пускают! Если до обеда не уйдёт, придётся ехать под охраной Почтовой гильдии, а это полная тоска. Они летят без остановок так, что все кости потом болят. Я как увидела их береты, сразу всё настроение пропало!

Филь хмыкнул: об «оттуда» он тоже был слышан. С первого дня здесь его кормили сказками, что он якобы очутился на другой стороне земли. И что этот край полон злодеями, у которых разве что голова не отрастает сама, а также разной прочей нечистью. Беспредметными мечтаниями Филь не страдал, и поэтому эти откровения его не трогали. У него имелись доказательства, что слабый ум не чужд семье Фе.

Косоглазая Эша хоть и щёлкала числа как орехи, явно была не от мира сего. Иногда никто не понимал, что она такое говорит. Имелась ещё психованная Лентола и пугливая Габриэль. Да и госпожа Фе была хороша – хотя прошёл уже месяц с появления Филья, она продолжала кидать на него недобрые взгляды, подозревая в нём ребенка сердаров, и всё лишь потому, что он пережил штормовую ночь. Поэтому Филь не собирался доверять никому из них, а то он сам превратится

в Лентолу или, что хуже, в госпожу Фе.

Скала с исполинским гротом была уже близко: оставалось подняться на заросший можжевельником склон и осторожно спуститься, потому что выходящая к замку сторона круто обрывалась в море.

Подойдя к гроту, Габриэль поморщилась:

– Фу-у!

– Что такое? – спросил Филь.

– Как тут воняет!словно гнилыми объедками...

Девочка остановилась в нерешительности, но Филь бес­трепетно шагнул в полумрак. В гроте в самом деле повани­вало. Габриэль придержала его за руку:

– Не ходи дальше!

– Чего это ради? – возмутился он.

Она глянула на него в затруднении:

– Говорю, тебе туда не надо! Ты не поймёшь.

– Ну это мне решать!

– Филь, погоди!

Не обращая на неё внимания, он поспешил вперёд. Одна­ко, когда они вдвоем достигли середины пещеры, из её тём­ного угла раздалось приглушённое рычание.

От страха Филь замер на месте.

– Что это? – прошептал он чуть дыша.

На него смотрели два красных глаза. Глаза принадлежали больной лисе. Она тряслась, словно готова была издохнуть в любой момент.

– Ну во-от... – скривилась Габриэль. – Как я и говорила! Ты что, лис не видал? Она не убежала от тумана и теперь умрёт!

Поняв, что Габриэль не испугана, Филь тоже постарался взять себя в руки.

– Лиса умрёт, потому что не убежала от тумана? – проговорил он недоверчиво.

Габриэль сразу подкинулась:

– Ты ещё поспорь, ты ничего не понимаешь! Мама запретила тебе говорить, она сама хочет рассказать, и теперь мне попадёт. Это не лиса, это мелюнга!

Лиса-мелюнга сделала движение, будто её сейчас вырвет. Филь тряхнул головой, думая, что ему кажется – зубов в пасти животного было в два раза больше обычного. И часть из них шевелилась!

Лиса взвизгнула и заскребла лапами, будто готовясь к прыжку. Затем непостижимым образом она вдруг оказалась у них за спиной. Филь покрылся испариной: из её разъявленной пасти лезло что-то скользкое, со своей пастью и ногами.

Он цапнул Габриэль за руку. Девочка попробовала вырваться:

– Да ничего она не сделает!

Филь её не отпустил. «Лиса, может, не сделает, а эта тварь сделает!» – подумал он и быстро оглянулся: дорога на другую сторону грота была свободна. Филь хотел сказать об этом, но не смог разжать зубы – он лишь выбил ими длинную дробь.

Покрепче сжав руку Габриэль, он потянул её за собой.

– Филь, ты двинулся! – воскликнула она возмущённо. – Ты накличешь беду! Ой, какой ты дурень! – сопротивляясь, орала Габриэль. – А-а! – завизжала она под конец.

Она сумела вырваться, только когда они уже падали в море. Вынырнув, Филь увидел её, распластавшуюся на воде. Он догадался, что неудачный удар о воду вышиб из неё дух. Не успев испугаться, мальчик вспомнил, что в последний момент заметил нёсшуюся к ним по глади бухты шлюпку – спасение было рядом.

В самом деле, на них тут же надвинулся деревянный борт, и чьи-то руки втащили Габриэль в шлюпку. Филь услышал, как она там отрывисто кашляет. Затем другая рука сгребла мальчика за шиворот и выдернула его из воды. А потом, не успев Филь обрадоваться, ему вlepили оглушительную за-трещину.

* * *

– Ему десять лет, значит, пять плетей, – проговорив это, госпожа Фе скрылась в замке.

В толпе, заполонившей двор, охнули. Вывернув голову, Филь заметил Ирения с кнутом в руке. Сам же он стоял, привязанный за руки к кольцу в крепостной стене.

Мальчик потерянно огляделся: кроме Руфины и поварихи Момо, все сурово смотрели на него. В шлюпке он пытался

объяснить, что случилось, но у него ничего не вышло. Слова звучали в его голове, да не доходили до языка. Он так и не смог произнести ни слова, беспомощно мыча всю дорогу.

Габриэль во дворе не было. После того как её внесли в замок, Филь её не видел. Всё, что он видел сейчас, – это стену перед собой да людей, которые не испытывали к нему сочувствия.

Прений размахнулся, Филь крепко зажмурился. Затем к спине мальчика будто прижали раскалённую кочергу. Но тут двери в замок распахнулись, и Габриэль птицей слетела с крыльца.

– Он же спасал меня, он меня спасал! – закричала она. – Он глупый, он ничегошеньки не знает, он тут всего месяц живёт!

Следом за ней на ступенях появилась госпожа Фе. Габриэль метнулась обратно.

– Ты, это ты виновата! Отчего ты запретила говорить ему про демонов?

Хозяйка жестом остановила кузнеца, изготовившегося ко второму удару.

– Я хотела посмотреть, как он станет реагировать, но не находила удобного случая, – произнесла она невозмутимо. – Тебя спасал? Хорошо. Руфина, займись этим спасителем, будем считать его достаточно наказанным... Прений, – позвала она, – ты мне нужен!

Из кухни во двор сновали работники. Чтобы никому не мешать, Филь стоял на скамье в углу перед Руфиной, которая мазала ему спину жгучей мазью, приговаривая:

– Не стоило тебе толкать Габриэль! Прыгни она сама – и ничего бы не было. Вы же чудом не угодили на валуны. Мелюнги он испугался, дурачок. Думаешь, почему у нас нет скотного двора, а мясо сюда возят с самого Бассана? Потому и нет. Любят они скотину бессловесную, твари эти!

Когда кухня на время опустела, Руфина зашептала скороговоркой:

– Плохое здесь для тебя место, удирать тебе надо! Я видела во сне, плохо тебе будет. Пять лет – крайний срок, когда дитя способно вобрать в себя наши порядки, а тебе десять. Мать собиралась вышвырнуть тебя вон, когда поняла, откуда ты. Не сердись на неё! У нас есть легенда, что тот, кто ступит на этот берег после лютого шторма, рождённый под Плеядами сын моряка и каледонской ведьмы, принесёт с собой многие беды!

Потеряв всякое терпение, Филь воскликнул, дёрнув большим плечом:

– Моя мать не ведьма, она родом из Эндоры, а мой отец совсем не моряк!

Легенда у них, скривился он. Хотели, чтобы ему влетело,

так ему влетело, зачем ещё ахиною нести? Вот он угодил в переделку! Филь засопел, пытаясь остановить слёзы, навёрнувшиеся от болючей мази, а только этого ему сейчас не хватало.

– А кто ты по крови? – спросила его Руфина.

– Аскеман, – прошипел Филь сквозь зубы, снова дёрнув плечом. – Мы живём в Неаполе.

Руфина качнула головой:

– Ой, плохо! Аскеманов считают за чуму и божью кару, нехорошая кровь. Кое-кто даже думает, что наши сердары с ними в родстве. Как звали твоих отца и мать?

– Буи и Мата Темпе, – высвобождаясь, буркнул Филь. – Это у вас черти в скалах сидят, у нас такого нет!

Натянув рубаху, он спрыгнул со скамьи и рванул к выходу, но угодил головой в брюхо главного повара, только вошедшего в кухню. Придержав мальчика за воротник, он сказал:

– Руфи, твоя мать требует сорванца к себе, а тебе пора собираться в дорогу. Почтовые ждать не станут.

Филь сначала подумал, что госпожа совсем потеряла совесть, но затем встревожился: а ну как она передумала и решила добавить? Ведь если не везёт, так не везёт! Ну ничего, пусть они только уберутся отсюда, а уж он что-нибудь придумает. Его тревоги умножились, когда он услышал голос хозяйки, доносящийся из её кабинета.

– Ты пуны перепил? – спросила она раздражённо. – Мне кубок нужен до отъезда!

– Прошу прощения, – ответил Прений, – но я сделал всё, что в моих силах. Для завершения требуется два часа на полировку. Мальчишка отнял у меня время, а то бы я успел. Кстати, я его пожалел.

– Я заметила. Тебе понадобятся инструменты?

– Нет, всё можно доделать руками.

– Тогда быстро собирай своё добро, ты поедешь с нами.

– А кто останется за локумтена? – спросил Прений.

– Никто, – сухо ответила хозяйка. – Это пустая традиция.

– В неё верят люди!

Госпожа Фе, вздохнув, помолчала.

– Иди-ка ты лучше собирайся, – произнесла она отрывисто. – А локумтен – моя забота!

Не желая, чтобы его приняли за подслушивающего под дверь, Филь распахнул её так, что угодил створкой по пальцам кузнеца, стоявшего у порога. Ларец, который Прений держал в руках, выпал.

Не успев как следует позлорадствовать, Филь обомлел: на ковре перед ним лежал сияющий золотом кубок. С его дна, заполированный вровень с ним, сверкал зелёный драгоценный камень. Он был как большой светящийся глаз.

Хозяйка метнула на Филья взгляд, который говорил, что эта неприятность взбесила её сильнее, чем происшествие с Габриэль.

– Прений, – сказала она, поднимаясь во весь свой немалый рост. – Я думаю, мы нашли нам локумтена... Поди-ка

сюда, – подозвала она Филя. – Сейчас ты будешь принят в нашу семью!

4

Не следует недооценивать влияния сестры Эши на Филья. Она всегда была с ним откровенна, разве что не всё договаривала до конца. В силу своего происхождения она была вынуждена скрывать многое, что видела ясно, в том числе от нас...

Габриэль Фе, «Детские воспоминания», из архива семьи Фе

Натирая мелом тетиву малого арбалета, Филь сидел на ступенях главной лестницы, наблюдая, как Эша крепит к мосту очередную мишень.

– Готово, – доложила она. – Можешь стрелять!

Девочка потрепала за холку охранную собаку, крутившуюся во дворе. Замок был заперт, мост поднят, собаки выпущены из Хранилища. Трое солдат, оставленных с детьми, наливались на кухне пивом.

– Ты сначала уйди оттуда, – сказал ей Филь. – Лучше иди сюда. А то я могу угодить в тебя.

– Там сильно жарко, – возразила Эша, – а здесь я в тени. Давай стреляй!

– Не буду, пока не уйдёшь!

Эша смерила его задумчивым взглядом.

– Филь, – сказала она, – удивительно, что ты считаешь себя в состоянии попасть в меня вместо мишени. Если, конечно, ты именно этого не хочешь. Ты хочешь в меня попасть?

– Нет! – Он оторопел.

– Тогда стреляй. Твой средний результат за утро – четыре целых, пять десятых. Мишень висит в четырёх локтях от меня, чего ты боишься?

Филь проворчал, вскидывая арбалет:

– Чёртова девчонка!

Эша, однако, отличалась отменным слухом.

– Не надо поминать демонов всеу, – проговорила она назидательно. – Ты знаешь, как у нас с этим.

Отдача больно толкнула мальчика в плечо, стрела задрожала в центре мишени. От испуга, что угодит в Эшу, Филь побил собственный рекорд.

– Я примерно на это и рассчитывала! – захлопала Эша в ладоши.

Всё одно тронутая, подумал Филь, растирая плечо и собираясь с силами, перед тем как опять браться за зарядный рычаг.

Раскачав стрелу, Эша вытащила её из плахи, затем пригвоздила свежую мишень прутиком к щели. Филь считал, что это дорогое удовольствие, когда можно обойтись куском мела, но Эша считала иначе. Она заявила, что каждый день изводит уйму бумаги на рисунки и никого пока не разорила.

Солдаты на заднем дворе затаили песню. Филь протянул Эше заряженный арбалет:

– Теперь ты!

Она улыбнулась рассеянно:

– Филь, если ты хочешь устроить соревнование, то соревноваться тебе придётся в одиночку, поскольку я в нём не заинтересована. И вообще на сегодня хватит, я полагаю.

На сей раз ей не удалось вытащить стрелу неповреждённой, и наконечник остался в плахе.

– Придётся идти в кузню, – расстроилась она. – Без клещей не вытащить!

– Вот ещё, – возразил Филь. – Пусть торчит, невелика потеря.

Эша вздохнула:

– Это бумага у нас не стоит ничего, дядюшка Хо привезёт сколько скажешь. А наконечники Прения стоят дорого.

Почтовая гильдия выкупает их без остатка, оставляя охране крохи. Так что пошли, Филь, в кузню!

Мальчик пожал плечами и, бросив арбалет на ступенях, двинулся за ней.

– А чего ты рисуешь? – спросил он. – Ты художница, что ли?

Эша охотно ответила:

– Я нервная, родилась мёртвой, меня с трудом оживили. Рисуя мертвецов и разбитую посуду, я успокаиваюсь. Иногда бывает так страшно, так страшно, что буквально рисую под столом!

Девочка искоса глянула на Филья, и один её глаз съехал к переносице. Глаза у неё были большие, длинные и тёмно-серые.

– Гм, – сказал Филь, невольно отводя взгляд. – А с чего это Ирений отдаёт наконечники на сторону?

– Зря удивляешься, – сказала Эша, – Ирений – независимый кузнец. Между ним и папой нет разницы, они оба на службе так же, как местная кухня. Лишь охрана подчиняется папе, потому что он платит им из выделенного ему бюджета и нанимает только тех, кого считает нужным.

– А как же торговцы с ремесленниками? – не поверил Филь. – У них что, нету своих цехов?

– Есть, конечно! И у тех, и у других, но Ирения никуда не примут, потому что он умеет делать то, что другие не умеют, и плевать хотел на всякие секреты.

Мальчик поразился: «Чего он такого умеет?» Филь не видел, чтобы кузнец делал что-то особенное. Оси, бывало, ковал и подковы менял, разве что кубок тот был необычен. Правда, при известной сноровке изготовить его тоже было нетрудно – ни гравировки, ни инкрустации, гладкий и простой. Вот разве что изумруд!

Тот изумруд не давал Филю покоя. Такой камень стоил как целый корабль. Мальчик со вчерашнего дня раздумывал, как выведать у Ирения, где он его добыл. Может, там ещё осталось? Стать владельцем корабля и снова выйти в море, сбежав из этого места, населённого скорбными на голову людьми, которым даже не знаешь, когда верить, – это будет здорово!

Надо только дождаться семейку, исполнив клятву, превратившую Филя в нечто вроде живого оберега. Раньше нельзя – он проворочался полночи, но не сумел на это решиться. Что-то зацепило его в вынужденной клятве, и теперь при одной мысли о побеге у него холодело в груди.

Ладно, два дня ничего не меняют, подумал он. Так и быть, он просидит тут сколько нужно, охраняя Эшу со стриженными под мальчишку волосами и ногами, похожими на червяков. Старше его почти на три года, она даже в росте отставала от него.

– Ирений наш первейший лучник, – отозвалась Эша, уловив на лице Филя непонимание. – Мастер, который делает оружие.

– А-а! – протянул Филь насмешливо.

Хромой лохматый кузнец знает что-то, чего другие не знают, не будучи цеховым, – в это он не верил. Невероятней была только история про собак, охранявших в Хранилище бассейн с ядовитой жижей, которую здесь называли Сотерисом.

Будто Филь не знал, что они там охраняют. Как бы ни был он измотан борьбой со штормом накануне дня, когда попал сюда, а тяжёлые связки золотых цепей на стенах Хранилища успел разглядеть. Тех самых цепей, что таскали на себе собаки. Да ещё тьму холодного оружия, которым можно вооружить армию.

Эша чего-то недоговаривала, как все они. Сначала Габриэль, потом Руфина, теперь ещё она. Отец предупреждал Филь остерегаться сумасшедших, а здесь все были сумасшедшими. Одним словом, влип Филь, как никогда ещё не влипал. Он поймал себя на мысли, что думает это на местном языке, и разозлился. Уже и в голову ему они залезли!

В жарком воздухе дрожало марево, но в кузне было прохладно. Эша показала на длинную железяку в углу, закрученную в пороссячий хвостик.

– А вот эту я сотворила!

– Брешешь! – выпалил Филь.

Девочка сдвинула облезлые брови.

– Филь Фе, выбирай выражения!

– Какой я тебе Филь Фе? – взвился он. – У меня есть своя фамилия!

– Филь Фе, – перебила Эша упрямо. – Тебя не заставляли произносить клятву. Так что, пока мы не соберёмся опять, ты полновластный член семьи. А в настоящий момент ещё и хозяин замка, за исключением Хранилища. Не веришь – дай приказ собакам, они его исполнят.

Проглотив возражения, Филь пробормотал:

– Вот ещё, ради трёх дней менять фамилию!

Он схватил клещи, стоявшие у бочки с салом, и вышел во двор. Эша склонилась над кучей угля, насвистывая что-то.

– Охраняй! – сказал Филь встретившейся ему собаке, мотнув рукой в сторону кузни.

Вильнув обрубком хвоста, пёс послушался. Мальчик поймав себя на мысли, что почти не удивился.

Вернувшись с добытым из плахи наконечником, он застал Эшу за странным занятием: она сгребала лопатой уголь в сторону:

– Вот хорошо, что ты пришёл. Подержи открытой дверь, а то я не вижу!

Пыхтя и потев, она орудовала лопатой как заправский землекоп.

– А что ты делаешь? – спросил Филь, ставя клещи на место. – Ищешь получше кусочек для рисования? Так это маленькая куча, на кухне куда больше!

Он хотел забрать у неё лопату, но Эша ему не дала. Утирая пот с чумазого лица, она пропыхтела:

– Я сама! В страданиях душа совершенствуется. Правда,

лицо от этого выглядит неважно...

Она отшвырнула лопату и воскликнула:

– Нашла!

Эша расчистила руками освободившееся пространство, и глазам детей предстал квадратный люк, закрытый деревянной крышкой. Филь задрожал от волнения: под крышкой был потайной ход, что ещё там могло быть? Кузнец устроил его, чтобы выбираться незамеченным из замка.

В следующий миг поток мыслей захлестнул мальчика. Зачем кузнецу это делать? Никто не станет маскировать ход, не будь у него чего-то на уме. А может, Прений – контрабандист? Хальмстем запирают на ночь, а днём новых входящих проверяют жезлом Арпонисом. Габриэль рассказывала, что от него ничего не скроешь. Или Прений задумал стащить что-нибудь? Или хранит там что-то, что надо держать подалеже от чужих глаз. Вот здорово, если он хранит там драгоценные камни!

Эша приволокла лом от ящика для отжига и с помощью Филья воткнула его в щель в полу. Мальчика посетила очередная мысль, и он так приналёг на лом, что люк выскочил из углубления как пробка. Тяжёлый лом юркнул в дыру.

Из-под пола кузни послышался треск и глухой удар. Эша сняла с полки кусок гамура. Смола оказалась старая и давала совсем мало света. Дети осторожно спустились в подпол по лестнице, одну из перекладин которой сломал лом.

– Высыпет нам Прений, – заметил Филь мимоходом, – пря-

мо этой сломанной перекладиной.

Мысль, что теперь можно дать дёру, едва семейка въедет в замок, заставляла бурно биться его сердце.

– Не всыпет, – отозвалась Эша. – Я склонна полагать, что права и ответственность идут рука об руку, так что ты сейчас хозяин, проверяющий владения. В крайнем случае я поведу бровью, заломлю руки и дрожащим голосом попрошу прощения. Я не столь беспомощна, как моя единоутробная сестрица! Тебя что, расстроила сломанная лестница? – спросила она, заметив, как Филь, оглядевшись, спал с лица, поняв, что обманулся в своих ожиданиях.

Никакого прохода здесь не было. На земляном полу валялась прикрытая рогожкой незаконченная поковка, на которую упал лом. На стене в кожаных петлях висели пять Арпонисов – непременный атрибут местных пастухов. У другой стены приютилась полка с выложенными на ней хлебцами кузнечных сплавов. Больше в тесном подполе ничего не было.

Холодными пальцами Эша взяла мальчика за руку.

– Филь, под нами скала, в ней ничего нельзя прорыть, – проговорила она успокаивающе. И добавила, едва тот дёрнулся спросить, с чего она взяла, что он ищет что-то такое: – Я давно догадалась, что ты хочешь удрать.

Эша не отпускала его, и Филь вырвался сам.

– Ничего я такого не хочу! – воскликнул он раздражённо. Он потерял настроение, а её слова только сильнее разбереди-

ли ему душу. – Пошли отсюда!

Однако девочка зачем-то присела у полки, разглядывая хлебцы сплавов.

– Подожди минутку... Этот сделан в Голконде, – пробормотала она. Помяв в ладонях гамур, она глянула на клеймо соседнего. – А этот вутц из Пуланта. Хм, дорогие игрушки у нашего кузнеца! Однако хотелось бы мне знать...

– Пошли, говорю! – не выдержал Филь.

Эша не слушала его. Продолжая бормотать, она ходила от одного вутца к другому. Филь выбрался наверх и, нетерпеливо притопывая, наблюдал, как она методично осматривает поковку под лестницей, затем накрывает её рогожкой.

– У меня заволокло тучами место, которое думало и понимало, – рассеянно проговорила она, поднимаясь наверх и помогая Филью поставить люк на место. – Зачем он тогда зажигает горн по ночам?

Мальчик взялся за лопату.

– Откуда знаешь?

– А я страдаю бессонницей, – ответила Эша, прислонясь к косяку, – говоря в тонких линиях, не углубляясь. Так что ночная жизнь Хальмстема для меня не секрет. Не то чтобы Ирений скрывался, но однажды я заметила, как он сгребает уголь в сторону и лезет в подпол.

– Придумаешь невесть чего, – бросил Филь, размышляя, чего теперь ждать от неё, когда она разгадала его намерения. – Он делал кубок по заказу твоей матери.

Филь решил, что проведёт эту ночь на Дозорной башне. Едва семья покажется на дороге, он убежит, прежде чем Эша разболтает им обо всём. Глаза девочки тем временем подозрительно сузились.

– Кубок? А какой кубок, ты видел?

– Большой и зелёный, – брякнул Филь первое, что пришло в голову: Эша мешала ему думать.

Девочка поскучилась. Она стряхнула чёрную пыль с рук и подвинула сандалией пропущенные им куски угля.

– Что ж, тогда не грех пообедать, а затем посетить Хранилище, – вздохнув, проговорила она разочарованно.

– Зачем? – воззрился Филь на неё.

Он прислонил лопату к стене, и они вышли в полуденную жару. Известняк, выстилавший двор и стены замка, казался ослепительно белым. Со стороны подъёмного моста доносился густой храп.

Эша хихикнула:

– Вынуждена признать, что использую тебя, дабы разрешить накопившиеся у меня загадки. Всё лучше, чем плевать в потолок. Тем более что это занятие порой здорово наскучивает, впрочем, как и битьё мух.

Она замешкалась, повернулась и заступила Филью дорогу. Жутковато-пристально шаря глазами по его лицу, она сказала:

– Ты совсем меня не слушаешь, ты по-прежнему занят своим побегом! Не ломай голову, я знаю, как тебе помочь. В

Хранилище стоит ящик, куда отец запер мой Открывающий Путь, мы заберём его оттуда, и я открою тебе Врата. Ты откуда родом?

– Из Кампании, – ответил Филь, сражённый её пронизательностью.

– Я открою тебе Врата, – кивнув, повторила Эша. – И ты окажешься у себя дома.

Филь растерялся: с чепухой от Габриэль и Руфины это не было связано. Эша знала, что говорила, и этим ставила его в тупик. Он ещё ни от кого не слышал здесь о Вратах.

– А что такое «Врата», как это? – выпалил он. – И как это я вмиг окажусь дома?

Эша довольно улыбнулась:

– Об этом мы поговорим за обедом!

Кухонный стол покрывали останки копчёной селедки, павшей жертвой солдат, которые храпели теперь на главном крыльце. Пообедав варёными яйцами, двумя последними селедками и хлебом, дети поднялись на Главную галерею.

– От такой еды спятить недолго, – раздражённо проворчал Филь, прислушиваясь к бурчанию в своём животе. – Зачем вы отпустили поваров?

Вечный недостаток еды выводил его из себя. Её завозили с Бассана, однако, будь строители Хальмстема посообразительней, они могли бы отодвинуть восточную стену вглубь горы подальше от замкового корпуса, а на освободившемся месте разбить огороды, которых Хальмстему сильно не хва-

тало.

– Кухня здесь меняется раз в месяц, так заведено, – безмятежно ответила Эша. – Не переживай, завтра они возвращаются! Ты поешь как следует, потом я выведу тебя за мост, зажгу Врата и ты вернёшься к себе домой. И вяленое мясо тебе не понадобится, – ухмыльнулась она.

Филя как громом ударило: знает! И о мешке она знает. Не-ет, с этой девицей надо быть настороже, рано он развесил уши!

Когда они подошли к дверям Хранилища, охранявшие его псины встали и оголили клыки, но угрожающего рычания не последовало. Дети осторожно шагнули под купол помещения.

Посередине зала находилось каменное, покрытое барельефом кольцо шагов пятьдесят в поперечнике. Кольцо было высокое, Филю по плечо. Внутренность его была заполнена густой серебристо-голубой жидкостью, тем самым Сотерисом. На полукруглых стенах зала висело оружие всех видов и размеров, а также собачьи ошейники в виде свитых вместе широких колец жёлтого металла. Это было не золото, как сообщила Эша за обедом.

Освещать Хранилище не было нужды – Сотерис давал достаточно света. Свет был холодный, непохожий на свет факелов, освещавших тоннель, который начинался на противоположной стороне бассейна.

Едва Филь завидел тоннель, по коже мальчика побежали

мурашки: на том конце была дверь, через которую он проник в Хальмстем месяц назад. Не чуя под собой ног, Филь рванул туда.

Он успел позабыть, какой длинный был этот тоннель. Добежав до его конца, он дышал, как загнанная лошадь. Подобную работу могли провернуть лишь демоны, тут он не сомневался в словах Эши. Однако «дверь», которую они же когда-то соорудили, оказалась заперта.

Перед Филем была каменная стена, которая съехала в тот день в сторону. Что ж, проверить её требовалось, отрицательный результат – тоже результат. Филь внимательно оглядел невинную на первый взгляд стену и зашагал назад.

Эша сидела, поджидая его, на краю каменного кольца и болтала ногами. В руках она держала маленькую морскую раковину.

– Ничего не поняла, – сказала она, завидев Филья. – Где собака зарыта, что послужило толчковой ногой для твоего бегства... Осталась в смятении!

Он против воли улыбнулся:

– Проверял, надёжно ли заперта Граница!

Эша прыгнула на пол, хмыкнула и направилась к выходу.

– Две копчёные селёдки, одно яйцо и полхлеба питают тело, но не способствуют остроте ума! Какую часть из моей речи на кухне ты пропустил? Или я не говорила, что Внутренняя Граница откроется теперь только в следующем году?

Филь почувствовал, как его уши заливаются краской.

– Однако проверить-то стоило!

– Филь Фе, – бросила ему Эша через плечо, выходя в залитый солнцем коридор, – ты прирождённый Фома Неверующий. Когда-нибудь ты жестоко за это заплатишься!

5

Вся энергия маленького Филья была направлена на познание мира. Он не искал в нём себе место, он смотрел шире...

Императорский Ментор, из рапорта Совету, расследование Кейплигской трагедии

Положив вещмешок под голову и раскинув руки, Филь лежал на тёплой после жаркого дня крыше башни. Небо над ним было глубокого чёрного цвета, усыпанное точками звёзд.

Прямо на него смотрел злым глазом Альдебаран, рядом успокаивающе мигали Гиады. Правее и выше Гиад пылали Плеяды. С наступлением осени они всё выше взползали по небосклону. Филь слышал от отца, что когда мощь Ориона погонит их с неба, в море лучше не выходить.

Филь знал звёздное небо как свои пять пальцев. Писать, считать и прокладывать курс кораблю его не надо было учить. Эти науки были вбиты в него отцом при помощи розог на суше и пенькового конца в море. Отец говорил: это всё, что нужно человеку для достижения любых высот, – и оттого был беспощаден.

Это отец родился в кульминацию Плеяд в полночь. А его мать, бабу Филю, сколько он её помнил, все принимали за ведьму. Её схоронили два года назад, но мальчику ещё долго мерещилось тёмное лицо под спутанной паутиной волос в углу их дома, где она любила сидеть. Да ещё вечно шептала что-то про себя. Сына она не любила, а к Филью относилась и того паршивей. Так что он лишь обрадовался, когда она умерла. Сколько ей было лет, он не знал, но отца она родила пятьдесят лет назад.

Филь задремал, а когда проснулся, Альдебаран стоял уже высоко. Со стороны леса доносилось отдалённое приглушённое уханье филина. Ночное небо перечеркнула падающая звезда, и, приподнявшись на локтях, мальчик чертыхнулся, потому что не успел загадать желание.

Небо перечеркнула другая звезда, однако Филью было уже

не до желаний. Его ухо уловило посторонний шум: где-то тихо звякнула уздечка. Затем одновременно с ударом тревожного колокола, заставившего мальчика подпрыгнуть, ночную тишину разорвал грохот цепей опускаемого моста.

Рискуя сорваться вниз, Филь перевесился через башенное ограждение.

На полосе песка правой моста загорелась в кромешной тьме ослепительная точка, и потёк от неё вверх и в стороны словно бы жидкий лунный свет. Свет озарил чёрного человека, одетого в рванину, державшего в поводу костлявую лошадь. Он опустил светящуюся точку на песок, и свет развернулся в ворота.

У мальчика перехватило дыхание, когда он догадался, что это должны быть те самые Врата. Человек постоял перед ними, всматриваясь во что-то, и за секунду до того, как мост коснулся земли, прошёл во Врата вместе с лошадью.

Филь ссыпался с башни и сбегал по мосту. Отоспавшиеся за день Кали, Али и Тови в форме, с факелами в руках стояли у места, где только что горели Врата. С ними была босоногая Эша, одетая в ночную сорочку.

Кали водил над песком Арпонисом, а Эша раздражённо ему втолковывала:

– Я не хочу критиковать твои умственные способности, но пора бы знать, что демон не пойдёт сквозь Врата, потому что он умрёт в них. А то зачем бы они стали строить здесь Внутреннюю Границу?

Рыжий солдат смутился.

– Тогда кто это был? – спросил он, опуская жезл. – Не человек же?

Кали произнёс это так, словно надеялся, что тут был человек. Грузный Али воскликнул:

– Конечно, сердар, кто ещё одним махом зажжёт Врата! После Кретона никого не осталось, кому это удаётся.

При упоминании сердаров лицо Кали закаменело. Эша смешливо заметила:

– Да, заботами Кретина Первого мы теперь тут как на острове. Сердары – чуть ли не наша единственная надежда!

– Попридержи язык, девочка, – тихо посоветовал ей Кали. – Родная дочь его взошла вчера на трон.

Эша хмыкнула, но возражать не стала. Али энергично покивал, соглашаясь. Его слезящиеся глазки упёрлись в подбежавшего к ним Филя.

– А ты, малой, что делал на Дозорной? – с напором спросил он. – Дрых? Ударь ты в колокол раньше меня, мы бы его в два счёта поймали. Мне с Мостовой далеко бежать, я всё бежал и думал: «Ну когда же? Ну когда же?» А этот, – Али ткнул пальцем в долговязого Тови, – храпел в обнимку с воротом, вот и упустили!

– Может и хорошо, что упустили, – пробасил Тови, задумчиво махнув белыми, как у Филя, ресницами. – Не слышал я, чтобы их ловили. Зато слышал, что где прошёл сердар, там валяются отрезанные уши. Да и мало их осталось, поумира-

ли они. Люди говорят, мор прошёл среди них – вроде демоны нашли на них управу.

– Хоть бы они друг друга перебили поскорей, – злобно прошипел Кали. – Во славу Одина... Ладно, пошли обратно, пора мост поднимать!

Они поспешили к воротам, но Филь придержал шаг. Ему было о чём подумать, не выслушивая дурацких вопросов. Сердце мальчика стучало от возбуждения – Эша не соврала ему про Врата. И значит, вот как можно вернуться домой! Интересно, а обратно можно так попасть? Исходя из того, что он слышал, получалось – можно. Потому что дорог, которые ведут только в одну сторону, Филь не знал.

Он ещё много чего услышал, что требовалось хорошо обдумать, оттого и шагал не торопясь. Эша согласилась с Али, что Врата зажигать некому, хотя днём уверяла, что ей не составит труда переправить его домой. Значит, она сказала ему не всю правду, и Филь нюхом чуял, что за этим что-то скрывается. Что-то важное, а может, и опасное для него.

Единственный человек, который ему никогда не врал, был его отец. Что он говорил, то и делал. Что обещал, то выполнял, несмотря ни на что. Но и легко отворачивался от тех, кто хоть раз его обманул. Филь так не умел, но тоже не терпел, когда его водят за нос. Из отцовского опыта он знал: кто так делает, от тех не жди ничего хорошего, в нужный момент можешь остаться один. В этом не было ничего страшного, однако в компании веселей. Поэтому лучше быть в такой ком-

пании, где люди говорят, что думают. Ещё лучше иметь кого-то, кому можно доверять как самому себе. Вот тогда можно горы своротить!

Вот и получалось, что дела Филя дрянь. Ему тут все врут или, в лучшем случае, недоговаривают. А предпринимать что-то, исходя из чужого вранья, – значит ставить капкан на себя. Захлопнут его в один прекрасный день – и ахнуть не успеешь. И обвинять некого – сам виноват.

Черти бродят у них тут где вздумается, сами они лжецы законченные, а уж как друг к другу относятся! Местные порядки забавляли Филя, но он ещё не задумывался о них. Пока не увидел Эшу в ночной сорочке. Это что же значит, что солдаты – тоже члены семьи? Большая у них, должно быть, семья! А то с чего бы девчонка вела себя как среди своих?

Императора она обозвала кретином, а Кали её оборвал. Ну и кто они друг другу? Не-ет, нечисто тут, и верить тут никому нельзя. Надо самому разбираться, что к чему, а ещё лучше тикать отсюда, пока цел. Хоть непросто будет докопаться до них, но на деньги, что отец схоронил на чёрный день, Филь сможет безбедно жить многие годы.

Эша повысила голос, и мальчик против воли прислушался. Девочка спорила о чём-то с солдатами. Филь успел догадаться, что самый умный из них – Али, хотя начальник над этой тройкой – Кали.

Поддернув путавшуюся в ногах сорочку, Эша влетела на мост и встала у ворота.

– Из этого леса минуту назад вышел сердар, – произнесла она, раздражённо махнув рукой. – Если и были в нём демоны, то теперь их там нет. Зачем нам поднимать мост?

– Таков порядок, – сказал Кали.

– А иначе мы не можем спустить собак, – добавил Али. – При появлении демонов они понесутся за ними. А без собак нам останется только постоянно быть на страже, не разлучаясь с Арпонисом. Ни поесть, ни поспать!

– Филь прикажет им остаться, – заметив мальчика, произнесла Эша заносчиво. – Правда, Филь?

Обязательно, подумал он, неопределённо качнув головой. Если эти маленькие лошади его послушаются. Филь не боялся местных собак, но не понимал, зачем они такие большие.

– Они-то останутся! – усмехнулся Тови. – Но только пока демона не почуют. Малой не сердар, чтобы управлять собаками, когда рядом демоны. Это как усесться на бешеного коня!

Голос Эши сделался как ножом по стеклу, и Филь бросил прислушиваться. Чего слушать, когда и так понятно, что надо этой девчонке. А надо ей, чтобы мост был опущен, тогда она сможет выйти с Филем, когда поблизости никого не будет, и зажечь для него Врата. Вот только он не знал уже, стоит ли в них соваться. Да и мешок остался на башне, но мешок – это ладно, хуже, что в его бедной голове опять кутерьма.

Мальчика раздирали нехорошие предчувствия. Что тут происходит, где он на самом деле? Эша ему, конечно, всё

объяснила за обедом, но он, конечно, толком ничего не понял. Он только понял, что бывали случаи, когда во Вратах умирали, рассыпались в прах. Может, поэтому у них тут столько песка. А открыть Врата можно только вблизи замка, больше нигде. Однако в Старый Свет, как Эша называла дом Филя, можно попасть куда угодно.

Сто лет назад тут, оказывается, всё было по-другому. Тогда тут правил Кретон Первый, чья престарелая дочь вчера взошла на трон, и разразился лютый голод. Чтобы люди не перемерли, император приказал раздать раковины, которые открывают Врата. Кто не хотел или не мог идти через них, те стали шастать туда-сюда через Внутреннюю Границу, ту самую дверь в пещере, которую демоны соорудили для себя, когда замок принадлежал им. Тогда-то, как сказала Эша, и настал сумасшедший дом.

Население Империи сгрудилось в окрестностях отдалённого Хальмстема. Среди людей появились разбойники, которые под видом торговцев пытались разнюхать, где что плохо лежит. Случился даже хазарский набег. А потом силы Сотериса иссякли – Эша уверяла, что он живой, – и Внешняя Граница стала сжиматься к замку. Вплоть до того, что открыть Врата стало можно, лишь стоя у стен Хранилища.

Тогда установились совсем весёлые деньки. Считая, что, окончательно закрывшись, Врата больше никогда не откроются, люди ударились в панику. Они не могли решить, куда им надо. Народ носился туда-сюда с семьями, поклажей и

скотом, распихивая друг друга. Крики, драки, поножовщина, дети орут, им обрывают уши, колёса телег давят раковины – бедлам, короче. То время так и называют теперь – Великий Бедлам.

С тех дней только сердарам удаётся быстро зажечь раковину. Внешняя Граница расширяется, но медленно. Среди людей не осталось почти никого, кто мог бы открыть Врата даже у замка, а когда-то это можно было сделать за многие мили от него.

Одно хорошо – какой-то умник забрёл тогда сюда и притащил червя. Червю так понравилась местная почва, что он теперь живёт тут повсюду, и где он живёт, там всё растёт как на дрожжах. Самого червя тоже можно есть, если припрёт, только он безвкусный, тот самый марро. И ещё говорят, умник оказался сердаром, потому что ни имени после него не осталось, ни кто он был – никому не ведомо. О сердарах ведь тоже ходят слухи, всё больше страшные, но никто их вблизи не видел.

Однако у сердаров хоть облик людской, но почему здесь не боятся демонов? Филя испугала какая-то мелюнга так, что он до сих пор избегает смотреть в сторону грота, а эти говорят о демонах как об одичавших домашних животных. Эша даже замковый мост не хочет поднимать, будто не вчера вынесли из леса страшилище под видом волка.

И вообще это место неизвестно где находится, и говорят тут на языке без названия, пусть он похож на латинский.

Крупному торговцу без латинского не выжить, Филь убеждался в этом не раз. А местному народу он зачем, если они утверждают, что живут на другом конце земли? Тем не менее вся семья Фе, как один, свободно говорила на латинском.

Нет, нельзя ему домой, решил он. Разобраться надо сначала, что тут и как. Вот вернутся все в замок, и пойдёт он отсюда разбираться. С людьми говорить, с теми же пастухами, учиться пользоваться Арпонисом. А потом можно и домой. Главное – держаться подальше от семейки Фе, чтоб опять не закабалили. И мешок не забыть забрать, и лучше прямо сейчас. То, что можно сделать завтра, нужно делать сегодня.

Филь пробежал по мосту мимо Эши и, не обращая внимания на её окрик, понёсся к Дозорной башне. Небо на востоке уже розовело. Госпожа Фе говорила, что обратно они отправляются с восходом солнца, плюс восемь-десять часов, так что он успеет поесть и отнести мешок в грот. Филь был спокоен: он знал, что должен делать, и по-другому быть просто не может.

Когда он бежал назад, опять прогудел тревожный колокол, а следом из-под покрова леса вынесся конный. Лошадь под ним была в мыле, сам он выглядел не лучше. Всадник влетел по мосту во двор и бессильно сполз с седла.

– Флавиона убита! – выдохнул он, принимая кринку с водой из рук подбежавшей к нему Эши. – Когда уже шла под мечами...

Опустошив кринку, он добавил:

– Среди державших мечи оказался сердар, он снёс ей голову.

Толкавшиеся во дворе солдаты переглянулись. Эша ахнула:

– А что с Мастером? Он тоже должен быть там!

Прибывший глянул на неё, будто только сейчас заметил.

Лицо у него сделалось растерянное.

– Девочка, – сказал он, кладя ей руку на голову.

Эша сбросила его руку, почти ударив по ней:

– Я спрашиваю, что с моим отцом!

– Господин Фе погиб.

Лицо Эши стало одного цвета с сорочкой, и, не успев никто ничего предпринять, она мешком повалилась на землю.

6

Успехи мальчика в познании были выше средних. Он не блистал анализом, но удивлял способностью к синтезу. Учителю следовало торопиться, чтобы он не заскучал на полпути и не принялся совать свой нос, куда совать его было рано...

Императорский Ментор, из рапорта Совету, расследование Кейплигской трагедии

Ещё никогда Филь не чувствовал себя таким несчастным.

Шагая за Ирением, он костерил про себя всех обитателей Хальмстема вместе с демонами и сердарами. Если бы мог, он лично придушил бы сейчас того сердара, который снёс голову императрице. Но сердара прямо там порубили на куски, и от этого Филь только острее ощущал несправедливость жизни.

ни.

Всё было кончено для него. А потому он решил сразу, как выяснит, что понадобилось Прению, пойти и сигануть с галереи. Филь плавал как рыба, и ему нужна была высота, чтобы надёжно покончить с собой. Разбиться о волны, только бы больше не видеть этих идиотских ухмылок!

За прошедшие три дня солдаты и кухня, вернувшиеся в замок, вволю произдевались над ним. То подавай им чистую форму, то утверди меню на обед, то подтверди своё согласие на захоронение останков господина Фе в дольмене. И ведь не сбежишь, будь на то даже добрая воля хозяйки. Положено иметь лиц мужского пола в семье, и хоть тресни!

Встав на охрану императрицы, господин Фе оказался принятым в её семью, и семейке Фе понадобился локумтен. Их собственный сын Мервин был убит год назад, а Ирений слишком долго чесался с кубком, и Филь попал как кур в ошип. Точнее, он угодил туда вместе с хозяйкой. Выражение её лица, когда она поняла, что совершила, он хранил в памяти как дорогой подарок. Мальчик лишь жалел, что рядом не оказалось Эши зарисовать это на бумаге: девочка до сих пор лежала без памяти.

Латинское выражение *consensu omnium*, означающее согласие, Филь за эти дни возненавидел до глубины души. Согласие мнений его и госпожи Фе требовалось каждый раз, как только вопрос касался семьи. Не было общего решения – вопрос оставался нерешённым. Филь проверил разок, что

будет, упрись он решительно, и оставил весь замок без обеда.

Хотя спасение было рядом – требовалось единое решение всех, включая самого Филья, снять с него бремя и повесить его на того же Ирения. Но Эша, как назло, не приходила в себя.

Лентола за эти дни окончательно извелась. Филь слышал, как она вопила в кабинете матери: «Его надо хотя бы удалить! Не жить же с ним вместе, что за унижение!» Из кабинета она вышла в красных пятнах и совсем потеряла человеческий облик, завидев мальчика. Её так перекосило, что, происходи это ночью, он спутал бы её с демоном.

Уроки Филь учил теперь один, с редкой помощью от Габриэль. Младшая дочь большую часть времени проводила в слезах и сердилась, когда он пытался её успокоить, ссылаясь на собственное сиротство. Только Руфина, казалось, получала удовольствие от происходящего. Филь не раз ловил улыбку на её лице, когда она была уверена, что на неё не смотрят.

У кузни Ирений бросил мальчику:

– Отпусти её! Махни рукой, пусть убирается.

Как оказалось, Филь забыл о собаке. Четыре дня назад он приказал ей охранять кузню, и бедная псина чуть не сожрала Ирения, когда, вернувшись сегодня из Кейплига, тот попытался войти туда.

Собака выглядела оголодавшей и тут же понеслась в конюшню к собачьим кормушкам. Филью стало стыдно.

– Ты заходил сюда? – поинтересовался Прений, ступив в

свои владения. Он повёл глазами вокруг. – Что-то искал?

Его взгляд остановился на угольной куче, из-под которой виднелась крышка люка со свежим сколом на доске. Филь потупился.

– Забрал что-нибудь оттуда? – спросил кузнец оборачиваясь.

– Всё там на месте, – буркнул Филь краснея. – Мне просто стало интересно.

– А клещи тебе понадобились для чего?

«Ну память!» – поразился мальчик. Уж клещи-то он поставил точно туда, откуда брал!

– Вытаскивал наконечник от стрелы. Я у солдат брал арбалет пострелять. Слышал, ты делаешь хорошие наконечники.

Кузнец довольно хмыкнул в бороду:

– Хочешь научиться делать такие же?

– Ещё бы!

Филь вытаращился на него, пытаясь скрыть удивление. Если кузнец пожелал бесплатно делиться знаниями ремесла, он не будет этому препятствовать.

– Тогда я жду тебя здесь каждый день после заката, – сказал Прений и захлопнул дверь перед носом у мальчика.

За обедом Филь старался не встречаться взглядом с присутствующими, уныло разглядывая стол. В который раз он не знал, что делать с этой пищей. Грибные корешки в горчичном соусе, салат из трав с имбирём, тёмные овощи, политые чем-то чёрным, – всё это выглядело крайне подозрительно.

Филь взял ломоть хлеба и посыпал его солью.

– Никак опять послушническая трапеза? – улыбаясь, осведомилась Лентола. – Поститься полезно, но ты не затягивай пост, а то нас обвинят, что мы уморили голодом братца!

Последнее слово она произнесла так, что Филь едва не запустил в неё блюдом с синей жижей.

– Не делай ему больно только потому, что ты это умеешь, – с неодобрением произнесла госпожа Фе.

Хозяйка могла не встречать – Филь был не такой глупец, чтоб морить себя голодом. Сменившая Момо новая повариха, с которой он успел подружиться, лепила сейчас для солдат котлеты, которыми Филь пообедает после того, как закончится этот «обед». Хотя котлеты повариха могла бы лепить размером поменьше!

– Попробуй хлеб с сыром, – посоветовала мальчику Руфина.

Филь покосился в сторону тарелки с чем-то белёсым и весьма вонючим.

– Это уже когда-то съеденный сыр, – пробормотал он. Услышав, как Лентола поперхнулась, он добавил: – Ну, у него такой вид!

Девушка стрелой метнулась из гостиной, надсадно кашля. Уткнув нос в пустую тарелку, Филь всей кожей ощутил, как над ним собираются тучи.

– Мама, а сколько мы здесь еще пробудем? – протрещала

Габриэль со своего конца стола. – Когда мне начинать собираться? Ты сказала, чтобы я снесла мои и Эши вещи в одну комнату и готовилась к отъезду. А когда? И кто здесь будет новым Мастером?

Филь замер с ломтем хлеба в руке. Он понятия не имел, что они должны будут скоро уехать. Интересно, а почему ему не доложили? Как стирать чьи подштанники в каком порядке, так без него никуда, а тут словно воды в рот набрали!

– Флав, кто ещё, – ответила госпожа Фе довольно холодно. – Он уже уведомил меня, что вступил в должность, забыв упомянуть, когда сам прибудет. Зная его, могу предположить, что собираться мы станем как на пожар: он вполне может нарисоваться здесь завтра. Ему всегда были чужды приличия.

– Флав – это такой низенький и кудрявый? – заинтересовалась Габриэль. – Ты, кажется, с ним близко знакома?

– Он, – подтвердила госпожа Фе. – Самый низкорослый из Флавионов.

– Зато не сыщешь шустрее, – улыбнулась Руфина. – Помнится, чтоб поправить свои финансовые дела, он налаживал производство «греческого огня» и спалил дом с конюшней. Но реактивы вытащил все до одного!

Голос госпожи Фе стал суше:

– Его тетка Флавиона, мир её праху, говорила, что игрушки свои он вытащил, но все его кони сгорели. Я плохо отношусь к Флаву, ему безразличны судьбы других, он жестоко-

сердечен, а в ярости необуздан. И я сомневаюсь, что найдётся на свете живая душа, с которой он сможет поладить.

Филь продолжал переваривать новость. Вот интересно, куда они поедут, неужели в Кейплиг?

– Говорят, он живёт один, всегда был один, – сказала Руфина. На что Габриэль присовокупила:

– И не любит никого, а особенно детей!

– В этом нет ничего страшного, – отозвалась госпожа Фе совсем сухо. – Нелюбовь к детям плохо передаётся по наследству.

Расправившись с котлетами, оставленными для него поварихой, Филь направился разыскивать Руфину, чтоб расспросить о переезде, но передумал, увидев кузнеца у подъемного моста. Расправив костлявые плечи и заложив руки за спину, тот стоял, вперившись взглядом в механизм ворота. Из угла в угол его тонкогубого рта передвигалась соломинка. У ног притулился хвостовой молот и какие-то железяки.

Прений больше всех был здесь Филью по душе. По крайней мере он не важничал. Даже Габриэль хихикала неделю, когда мальчик заблудился разок в замке, и только кузнец объяснил ему потом, в какие коридоры тут лучше не соваться.

Когда Филь появился в поле зрения Прения, тот сообщил, не дожидаясь вопроса:

– Упорный палец выкован из слишком мягкого железа.

Опять его смяло, заразу. Надо менять.

– И за чем дело стало? – спросил Филь. Больно вид у куз-

неца был задумчивый.

Мальчик надеялся, что Прений позволит ему посмотреть на ковку. Больше заняться было всё равно нечем, а Руфина и Габриэль так или иначе найдут его сами.

– Это куда удобней делать с поднятым мостом, но я не знаю, есть ли заявки на пересечение Периметра. – Кузнец почесал в бороде. – Вот что, малец! Я пока разыщу этих нахлебников, которые оставили пост, а ты сбегай, принеси новый палец из калильной печи. Да сначала проверь, остыл ли! – крикнул он в спину Филя, который припустил через двор.

Летние вечера тянутся долго, в кузне было ещё совсем светло. Филь для начала ткнулся носом в замызганный лист бумаги на крышке ящика с песком. Прений частенько записывал что-то, разбрасывая листы по кузне, и Филь решил выяснить, что именно.

Написано там оказалось много, однако Филь ничего не понял. Это было похоже на расчёты с поставщиками, судя по знакам процента, которые мальчику были знакомы, только это были не расчёты. В конце записей было начертано «так что», и рядом стоял жирный восклицательный знак. Тёмное дело, решил Филь, мудрит что-то кузнец.

Рядом с песочным ящиком стоял сигнальный рог, огромный и бутафорский, судя по размеру дыхательного отверстия. Его обычное место было над парадными дверями в Большой гостиной, но Прений снял его, чтобы обновить ин-

крустацию. Взявшись за рог, Филь покачал его на полу, соображая, какого размера голова должна быть у зверюги с такими рогами. А какое должно быть тулово при такой голове!

Мальчику давно хотелось узнать, как звучит этот рог, но дуть в него было нечего пробовать, тут требовались мехи помощнее. Сообразив, что выход находится рядом, Филь развернул на себя невероятные даже для такого большого горна мехи. Ловкий кузнец установил их на турели, так что повернуть их ничего не стоило.

Наклонив мехи и насадив на них рог, Филь утёр пот с лица и качнул рукоять. У него не хватило сил сделать это достаточно быстро, и рог выдал лишь сиплый хрип. Разочарованный мальчик вспомнил, зачем пришёл, и попытался вернуть всё назад как было. Однако рог застрял и не желал сниматься.

Филь некоторое время пыхтел вокруг созданной им конструкции, потом плюнул. Пусть кузнец снимает, решил он, авось не снимет с него голову. Надо только спрятать это безобразие, пока посторонние не увидели, что сотворил Филь с их парадным рогом.

Повиснув на рукоятках мехов, он направил их наконечник в разъявленный горн, подальше от глаз. Потом, поплевав на руки и убедившись, что выкованный Прением палец успел остыть, схватил его и выбежал во двор.

Мост уже подняли, но кузнеца у него не оказалось. Филь оглядел то, что тот успел сделать, и заметил, что старый па-

лец был вынут из гнезда. Механизм теперь удерживал от вращения временный упор в нижней части колеса. Для Филья он выглядел ненадёжно, но кузнецу было лучше знать. Потратив ещё некоторое время на разгадывание, как именно работает эта конструкция, мальчик решил помочь.

Подтащив к колесу табурет, принадлежавший охране, которая так и не появилась, он забрался на него. Теперь требовалось вложить новый палец в гнездо, не загремев с табурета. Филь улыбнулся, представив, как обрадуется Прений, увидев, что работа уже закончена, и вытянулся на цыпочках, протянув руку к гнезду.

Истошный вой разорвал вечернюю тишину, словно разом затрубили все трубы Страшного суда. Рука мальчика дрогнула, и новый палец выскочил из отверстия. Упав на упор, поставленный Прением, палец выбил его, и тот, звонко щёлкнув, просвистел над ухом Филья.

Успев отдёрнуть руку, мальчик спрыгнул с табурета и шагахнулся от ворота, который в мгновение раскрутился, как мельница под штормовым ветром. Мост стал валиться, увлекая за собой ничем не удерживаемые цепи.

Трубы Страшного суда умолкли так же неожиданно, как и прозвучали, но им на смену пришел грохот цепей. Собранный из тяжелых балок мост валился с кряхтением, набирая скорость, и Филь подумал: только бы никого не оказалось на другой стороне!

Удар о землю сотряс её, подняв в воздух тучу песка. Рас-

слышав далёкие проклятия, Филь обмер от ужаса, но заставил себя шагнуть на кромку моста. Когда песок осел, он разглядел на границе леса дюжину стоявших конных людей, которые яростно плевались и отряхивались.

Впереди всех на невзрачной лошадке сидел маленький, полный, сильно кудрявый, с ног до головы обсыпанный песком человек. Филь догадался, что в замок прибыл новый Мастер.

Судьба столкнула их нос к носу. Кто мы, чтобы судить её за это? Так ей было угодно, и это её решение, как резец скульптора, взрезало плоть истории Нового Света, неузнаваемо изменив жизнь его людей...

Клариса Гекслани, «История Второй Империи. Комментарии», 1-е издание, репринт, Хальмстемская библиотека

Фильм недолго пялился на прибывших. Умоляя судьбу оградить его от встречи с госпожой Фе, он метнулся обратно

в замок.

Взлетев на парадное крыльцо, он вжался в стену за миг до того, как тяжёлая дверь распахнулась и оттуда высыпала уйма народу. Затем раздался сигнал Дозорного колокола, и люди побежали уже с заднего двора. Нетерпеливо чертыхаясь, Филь стоял, пережидая. Едва путь очистился, он юркнул в двери.

Он надеялся на своё знание привычек госпожи Фе. Важных гостей она принимала в Большой гостиной, а мальчику позарез нужна была эта гостиная, потому что там было где спрятаться. Филь трясся от страха, но бежать из замка можно будет только когда он выяснит, чем грозит сегодняшнее происшествие. Если новый вельможа захочет всыпать ему плетей – это одно. Но если он собирается объявить на Филью охоту за покушение на свою особу – это совсем другое. А единственным способом разузнать это было подслушать, о чём станет говорить сей господин.

Большая гостиная примыкала к Хранилищу, но сообщения между ними не было, поэтому её не охраняли. Однако люди должны были появляться здесь с минуту на минуту, и Филь резво взлетел по боковой лестнице на второй ярус, предназначенный для музыкантов.

У дальнего конца галереи в раме на стене висела картина, изображавшая невесть что – нечто, что могла бы нарисовать Эша в минуты очередного помутнения рассудка. Ниже неё в стене была ниша, в которой стояла высокая ваза. Филь успел

нырнуть туда за секунду до того, как в зале раздались многочисленные шаги и незнакомый весёлый голос произнёс возбуждённо:

– У нас был неожиданно торжественный въезд! Слушай, Ария, сознайся: это ведь ты подстроила? Я здесь не знаю никого, кроме тебя, кто способен на это!

– Мастеру Хальмстема здравствовать, – послышался ответ госпожи Фе. – Кузнец разбирается, что случилось, но я не удивлюсь, если причина опять в нашем мальчишке.

– Вашем мальчишке? – удивлённо переспросил новый Мастер. – Откуда он взялся? Насколько я знаю, после смерти Мервина у тебя не осталось других детей мужского пола.

Филь готов был поклясться, что госпожу Фе при этом перекосило.

– И не надо тыкать в меня титулом, – продолжал Мастер. – Здесь не приём моего брата, который так удачно стал императором после смерти тётушки, что суёт этот факт теперь всем под нос.

– Хорошо, Флав, – произнесла хозяйка принуждённо. – Это найдёныш, о котором ты уже слышал. Он наш локумтен, и я не в силах изменить это в настоящий момент.

– Несовершеннолетний? – поразился Флав. – И что, сработало? – азартно спросил он.

Госпожа Фе проговорила вдумчиво:

– По нему плачет сиротский дом, настолько он несносен, но он всё ещё здесь.

В гостиной раздался остервенелый голос Лентолы:

– Алекса по нему плачет, а не сиротский дом! Простите,

Мастер...

Флав выдал нечто напоминающее хрюканье:

– Зачем так сразу? В тюрьме тоже люди, а ты к ним такого негодника, если это в самом деле он уронил на меня мост. Кстати, как его зовут?

– Филь, – сказала, как плюнула, Лентола. – Какой-то простолюдин!

Флав, казалось, не до конца расслышал её.

– Забавное имечко... Даже более редкое, чем моё. Интересно, из какой купели такое вынули?

– Мальчишка из Старого Света, – сказала госпожа Фе. – Их галею разбило о камни, а его зашвырнуло в Преддверие.

– Ух ты! – поразился Мастер. – Такого ещё не бывало. А это точно?

– Мы лично его там обнаружили, – заверила Лентола. – Ободранного, грязного и всклокоченного.

Филь прыснул в кулак: перед его глазами возникла картина, когда, взвизгнув от испуга, Лентола рванулась прочь вместе с Габриэль при виде него, появившегося на пороге пещеры. Он испугал их тогда своим появлением до полусмерти.

– Интересненько, интересненько! – пробормотал Мастер.

В нише слабо, но отчётливо пованивало. У Филья затекли ноги, и он вытянул их, упёршись спиной в стену. Вазон сиял перед ним в лучах заходящего солнца. Свет лупил через по-

лукруглое окно над парадными дверями на противоположной стороне зала.

Филь решил, что, пока он тут расслаживается, у него есть время ввести шхуну в гавань. Вазон стал створами, а солнечный свет – маяком. Покрутив головой, новоиспечённый капитан чуть не крикнул «Лево руля!», когда сообразил, что сейчас посадит шхуну на скалы: охотившиеся в местных водах пираты передвинули створы, чтобы ввести рулевого в заблуждение. Восстанавливая отличную в остальном перспективу, «капитан» сдвинул вазон вправо.

Более почувствовав, чем услышав, как что-то щёлкнуло за его спиной, Филь обмер от страха. Однако голоса внизу продолжали бубнить своё, и мальчик протяжно выдохнул, возвращаясь на мостик.

Ему оставалось довернуть шхуну, совместив мачту с серединой створа. Рулевого колеса у шхуны не было, и Филь взамен него повернул вазон так, чтобы рисунок на его ободке совпал с рисунком на стекле окна.

В нише завоняло сильнее.

Потеряв опору, мальчик едва не упал на спину, но вовремя опёрся руками об пол. Голоса в гостиной вдруг стихли, и он глянул позади себя, где в стене появилась дыра, прежде чем проверить, что творится внизу.

Там уже никого не было. Филь, не дыша, выбрался из ниши, спустился по лестнице и на цыпочках прокрался к выходу. Снаружи он услышал голос кузнеца:

– Не усматривайте злого умысла в том, что объяснимо глупостью. Никакое это не покушение! Мальчишка хотел помочь, но не справился с механизмом.

Никто там не кричал, не ругался и не грозился спустить шкуру. Это давало надежду вкупе с ранее услышанным.

Филь осторожно выглянул из-за двери: вся семейка собралась во внешнем дворе, кроме Эши. Её отсутствие возмещали кузнец, свита господина Флава и сам Флав, кудрявый и щекастый, застывший с ногой, закрученной за ногу, руки сцеплены за спиной. Его голова была вывернута в сторону моста, рот широко открыт.

У Филья заныли конечности, когда он увидел это. Он сам был таким когда-то, но пара хороших штормов и пеньковый конец рулевого Гарта излечили его.

– А рог Акилы? – спросила у кузнеца госпожа Фе.

Лентола добавила с жаром:

– Ты же сказал, что поджарил его из-за него!

«Дьявол!» – Филь сообразил, что кузнец пытался разжечь огонь в горне, не заметив рог.

– Рог Акилы! – усмехнулся Прений. – Он принадлежал Акиле так же, как камни «Око Одина», которые я пеку для Арпонисов, принадлежат Одину. У любой беды причины всегда простые, причина сегодняшней – детская глупость.

Флав гусеницей развернулся к нему, не отрывая ног от земли.

– Око Одина? – спросил он прищурясь. – Ты что, владе-

ешь рецептурой?

Кузнец кивнул.

– Расскажи! – подступая к нему, потребовал Мастер.

Прений отрицательно качнул головой. Мастер растерянно мигнул.

– Тогда ты остаёшься здесь, – заявил он с апломбом. – Империя продляет твой контракт!

Кузнец согласно поклонился. Госпожа Фе спала с лица больше, чем когда узнала, что натворила, назначив Филя локумтенем. Мальчик робко шагнул на крыльцо.

– Вот он! – взвизгнула Лентола, заметив его и простирая к нему длинный палец. – Ты преступник, ты докатился до преступления! Мало того, что мы вынуждены тебя содержать, безродного, так нас теперь ещё свяжут со злодеянием, которое ты едва не совершил!

Филь чуть не плюнул ей под ноги в сердцах: «Эх, садануть бы тебе по шее, так ведь не достанешь...»

Прений бегло глянул в его сторону. Флав тоже посмотрел на него и отвернулся, будто его интерес тут же иссяк. Только семейство Фе уставилось на мальчика, будто он украл у них что-то. У Филя заалели уши.

Мастер перевёл внимание на себя.

– Да, Ария, я привёз тебе лекаря, как ты просила, – объявил он госпоже Фе. – Твоя дочь уже завтра встанет.

– Будто это что-то изменит, – произнесла госпожа сдавленным голосом.

Флав пожал плечами с видом, что свой долг он исполнил, а остальное его не касается. Его взгляд опять наткнулся на Филя.

– Иди чини, – сказал он, кивнув в сторону моста.

Филь спустился с крыльца, ликуя про себя. Он знал, что, когда заставляют чинить сломанное, худшее уже позади. А Лентоле он ещё даст по шее! После того, что она сказала, между ними была война.

Глядя под ноги, он боком приблизился к сбору, сквозь которое ему требовалось пройти. На плечо ему опустилась мозолистая рука Прения.

Госпожа Фе сказала кузнецу:

– Я не могу платить тебе того, чего ты стоишь, в этом твоя причина?

Прений ответил сухо и непонятно:

– Не бывает безвыходных ситуаций, есть только неприятные решения. Пошли, – он толкнул перед собой Филя, – у нас много работы!

* * *

Было далеко за полночь, когда они закончили основную работу.

От удара о землю балки моста разошлись, скреплявшие их медные листы перекосило, а увесистые гвозди повывезали из гнёзд. Работая с Ирением плечо к плечу, Филь жалел,

что не обладал такой же силой, а то его помощь могла бы быть посущественней.

Ночь была душная, с обоих работников градом катил пот. Когда работа близилась к концу, кузнец стал поглядывать на лес, затем послал Филя к солдатам на посту за Арпонисом. Красные глаза собаки, в форме головы которой был сделан набалдашник, светились.

– А чего это они? – спросил Филь возвращаясь. Кузнец пригляделся.

– В Хальмстеме это обычное дело из-за Сотериса, – ответил он. – Эти камни называют «Око Одина». Они светятся, если поблизости демон. – Он взял у Филя жезл и направил его в сторону леса. – Нет, всё чисто, но если засветятся сильней, дай знать!

Остаток ночи Филь просидел, не отрывая взгляда от таинственных камней.

Под утро заспанная Руфина притащила им сырных лепёшек и жбан квасу. Она пошептала о чем-то с Ирением, и тот отпустил мальчика.

Филь устало зашлёпал в замок. Солдаты на посту не обратили на него внимания. Они выглядели осоловело после ночного ремонта у них под носом и не заметили бы въехавшую в замок телегу. А сразу за воротами Филь вспомнил кое о чём, что придало ему сил.

В Большой гостиной царила непроглядная темень. Выставив перед собой руки, Филь медленно пошёл вперёд. Его

идея начинала казаться бессмысленной, ведь в такой темноте мало что можно увидеть, но в запасе имелась другая – вернуть вазон на место и посмотреть, что случится с дырой.

Филь был так озабочен побыстрее нащупать стену, что забыл про лестницу. Споткнувшись о ступеньку, он зашипел от боли, растирая ушибленное колено.

Снаружи донёсся шум, похожий на далёкий удар кувалдой, и мальчик запаниковал: «Ирений перебудит весь замок! Мост уже починен, зачем он снова переделывает?»

Скользя по перилам рукой, он поспешил наверх. Дыра в нише слабо светилась, давая возможность сориентироваться. Нырнув в неё, Филь учуял знакомый запах, непонятный и ни на что не похожий. Тесный лаз уходил вверх, не позволяя распрямиться. Задрав зад, чтобы не шоркать коленями по камням, Филь устремился вперёд, цепляясь пальцами за выемки между плитами.

Чем дальше он лез, тем светлее становилось вокруг, а вонь делалась сильней. Наклон тоннеля тоже менял крутизну, и под конец Филь полз уже горизонтально. В полутьме показался какой-то механизм, когда мальчик понял, что это за вонь: так мог пахнуть только Сотерне. И сразу понял, где он находится: на куполе Хранилища.

Просунув голову между шестерёнками, установленными над дырой на макушке купола, он глянул вниз. Далеко под ним сиял неверным светом Сотерне. А у стены под книжным стеллажом, рядом с низким столом, стоял Мастер Флав. Он

разглядывал какой-то фолиант.

Книга была открыта, но её страницы были чёрными, и что Мастер мог на них прочитать, Филь не понимал. Мастер, видимо, тоже чего-то не понимал, ибо то и дело чертыхался.

Филь вывернул голову и заметил, что дверь в Хранилище закрыта. «Кажется, новый хозяин не хочет, чтобы его старания заметили», – подумал он ехидно.

Мастер перебросил страницу, которая упала с неожиданным металлическим стуком. Поражённый этим, Филь подкинулся и едва не взвыл, получив шестерёнкой по голове. Отпрянув от дыры, он тихо зашипел, а едва боль утихла, опять сунулся к дыре.

Держа в руках открытую книгу, Мастер пристально глядел наверх. Филь тихо переместился в тень: «Сатана! Услыхал-таки...» Но тут Мастер бросил разглядывать купол и опять сунул нос в книгу. Как только он это сделал, она выпала у него из рук.

Мальчик ощутил, как кровь покидает его жилы: грохот упавшего фолианта сотряс всё Хранилище. Мастера это не смутило, он лишь опять выругался. И Филь вдруг догадался, чем был вызван звук кувалды, что так напугал его ранее – эта книга сегодня уже падала.

Более не рискуя держать её в руках, Мастер взгромоздил её на стол. Филь почувствовал, что начинает получать удовольствие от наблюдения за новым хозяином. Ничего устрашающего в нём не было, разве что его ругань могла сделать

честь их бывшему рулевому.

Мастер навис над столом, широко расставив ноги и набычавшись. Вид у него сделался угрюмый. Его тёмные кудрявые волосы почти скрыли круглое лицо. Филь заметил, что у него не хватало левого уха.

Мастер принялся бормотать что-то себе под нос, но разобравшись с высоты, что именно, было нельзя. Только раз он разборчиво назвал кого-то параноидальными кретинами да неустанно поминал Одина. Мальчик уже знал, что Один являлся тут главенствующим божеством, именем которого и клялись, и ругались.

– Так, кажется, это здесь! – вдруг бодро проговорил Мастер и повернулся к входу в тоннель. Сверившись с книгой, он произнёс короткую фразу на певучем языке.

Филь едва успел зажать рукой рот, чтоб не выдать себя – в полутьме под ним поперёк тоннеля сам собой появился светящийся прямоугольник, словно открытая дверь. За ней виднелась небольшая, освещённая факелами площадка, вверх и вниз от которой вела лестница. Флав шагнул на площадку и скрылся из вида.

Филь не знал, что про это думать. Что же получается: новый Мастер тоже умеет открывать Врата? Хотя эта штука не была похожа на Врата, это было что-то иное, меньше и проще в управлении. Ведь достаточно прочитать фразу, не надо ничего зажигать. Филь растянулся на животе и со жгучим любопытством стал ждать, что будет дальше.

Мастера не было довольно долго. Мальчик успел отлежать живот на рёбрах механизма, но и думать не смел пошевелиться. Его терпение было вознаграждено.

Тяжело отдуваясь, Флав вбежал в Хранилище, держа что-то увесистое под плащом. Не теряя времени, он подскочил к железной книге и снова прочитал певучую фразу. Потом захлопнул книгу и утёр вспотевшее лицо. Светящийся прямоугольник исчез.

В руке Мастера был зажат золотой кубок. С его дна на мальчика глянул зелёный глаз.

– Ы-ык, – потрясённо произнес Филь.

Вышло это громко, Мастер вскинул голову. Но Филь уже нёсся на четвереньках к выходу. Спускаться задом не было времени, поэтому он нырнул головой в тоннель и, помогая себе руками, обдирая колени, заскользил вниз. Влетев в нишу с вытянутыми вперёд руками, он подхватил вазон и сунул его обратно в нишу. Дыра в ней закрылась.

Гостиную заливал свет начинающегося дня. Проворно, как мог, Филь прогрохотал сандалиями по лестнице и подбежал к дверям, за которыми на верхней ступеньке крыльца его уже поджидал Мастер.

8

Говорят, свойство всех богатых натур – быть маловразумительными. Но Флае был предельно понятен. Его здоровый эгоизм не позволял ему оправдывать свои решения чьими-то недостатками...

Янус Хозек, из манускрипта «Биография предательства», Библиотека Катаоки

Филь столкнулся с ним нос к носу и замер. Дальше бежать было некуда – за спиной Мастера возвышались два крепыша из его свиты, а мост оказался поднят. Не произнося ни слова, мальчик поглубже вдохнул и стал ожидать своей участи.

– Моего эмпарота! – Мастер щёлкнул пальцами, и один из крепышей исчез из виду.

«Эмпарот» прозвучало пугающе. Оправдательные истории сами собой возникли в голове Филя, но он с сожалением отбросил их, понимая главное: новый хозяин знает, что он видел. Хотя знает ли? Или только догадывается?

Мастер смерил Филя внимательным взглядом, заметил порванную на животе рубашку и разодранные в кровь колени.

– Думается, я могу угадать, что означает этот вид, – сказал он с налётом сочувствия. – Любопытно узнать, а туда тяжело взбираться?

Эту часть истории отрицать было глупо, и Филь согласно качнул головой.

– Вам там ни за что не пролезть, – добавил он.

Стараясь взвинтить цену, он покривил душой: при желании Мастер мог взобраться туда, другой вопрос, как он потом спустится.

Филь хмыкнул, не удержавшись, но опомнился и снова сделался серьёзным и даже несколько удручённым. От Мастера это не ускользнуло.

– Ну и хитрая у тебя рожа, дружок! Что там, наверху? – требовательно спросил он.

– Всякие механизмы, – признался Филь и потупился, потому что у Мастера в глазах полыхнул интерес.

– А как попасть туда?

Филь удивился вопросу: они что, не знают свой замок? Мастер заметил его удивление:

– Хальмстем полтора века был в руках демонов, и сейчас уже никто не знает, что они здесь добавили и что убавили. Так как же туда попасть?

Эту карту Филь не собирался просто так отдавать.

– Я случайно угодил внутрь, я не помню как.

– Что ж, это поправимо!

Мастер отвернулся и свистнул, подзывая к себе давешнего крепыша в компании какого-то маломерка с чересчур длинными руками и крупной башкой. Мальчик вспомнил, что видел его вчера в составе свиты.

– За-а мной! – скомандовал Мастер и поторопил Филья: – Ты тоже! Сейчас ты будешь допрошен по высшей форме, – зловеще проговорил он. – И мы всё про тебя узнаем. Кто ты, откуда, с какой целью сюда явился... и что ты делал сегодня на куполе!

Ни говоря более ни слова, Флав развернулся и зашагал под своды замка. Шагал он, широко ставя ноги, будто был на ходулях, подёргивая в такт руками. С такой походкой он мог быстро очутиться за бортом, происходи это в море. Однако Филью было не до развлечений. С трудом поспевая следом, он настороженно косился в сторону маломерка, который, судя по всему, был тем самым эмпаротом.

По коридору, который вёл к бывшему кабинету господина Фе, Мастер уже без малого летел. Он едва не сбил с ног заспанную Лентолу, выросшую на его пути в домашнем халате, но, переставив с подвывертом ноги, избежал столкновения.

На её официальное приветствие он неразборчиво буркнул. Её же лицо выражало удовлетворение фактом, что, судя по всему, за Филя наконец-то взялись по-настоящему.

В кабинете господина Фе всё выглядело так, как в день, когда мальчик посетил его. Даже чернильные пятна на портьере никто не удосужился застирать. Мастер выгнал своего головореза за дверь, оставив себя и Филя с эмпаротом внутри, и плюхнулся в кресло за покрытым картой столом. Филь с усилием отвел от неё взгляд.

– Начали! – кратко сказал Мастер, кивая эмпароту. Тот неприятно близко подошёл к мальчику и пристально посмотрел на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.